

INSPIRIA

ЮЛИЯ ЯКОВЛЕВА
КАРИНА ДОБРОТВОРСКАЯ

INSPIRIA

Юлия Юрьевна Яковлева
Карина Добротворская
Мужчина апреля
Серия «Loft. Современный роман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66583158

Мужчина апреля / Юлия Яковлева, Карина Добротворская: Эксмо;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-160017-4

Аннотация

Юлия Яковлева – автор популярной серии романов "Ленинградские сказки", в которых история сталинского террора и предвоенных лет рассказана с пугающей и обезоруживающей наивностью, поскольку рассказана – детьми и для детей.

Карина Добротворская взорвала интернет и читательские сообщества благодаря выходу романа "Кто-нибудь видел мою девчонку?", по нему сняли фильм с Анной Чиповской, Викторией Исаковой и Александром Горчилиным, ставший хитом.

В новом романе, написанном Юлией и Кариной в соавторстве, есть все, что делает произведение ярким и запоминающимся:

- * интересный небанальный сюжет про отдаленное будущее
- * любовная интрига
- * детективное расследование

* оригинальный авторский мир, описанный в подробностях

* европейская фактура, делающая роман похожим на переводной

Роман о нашем близком будущем, но читается он как роман о настоящем.

В новом мире победили осознанность и экологическая революция. Любые эмоции, кроме позитивных и неконфликтных – под запретом. За нарушение – штраф. Если съел больше нормы, и инспектор найдет у тебя перевес – тоже штраф. Обидеть нельзя никого, даже муравья.

Долго ли сможет жить человек в таком ужасе?

Яковлева и Добротворская пишут и иронично, и серьезно, – о новой этике, культуре Греты Тунберг, заигравшихся с нормами морали людей – и о том, что победит все равно естественная человеческая природа.

В романе сочетается лучшее из авторских талантов: увлекательный сюжет от Юлии Яковлевой и тонкий, глубокий психологизм Добротворской.

Роман – лидер ниши.

Содержание

Глава первая: Понедельник	6
Глава вторая: Вторник	82
Конец ознакомительного фрагмента.	115

**Юлия Юрьевна Яковлева,
Карина Анатольевна
Добротворская
Мужчина апреля**

© Яковлева Ю., Добротворская К., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая: Понедельник

7.45

– Мальчик.

Кто-то дотрагивался до моего лица и булькал: «Мальчик, мальчик». Я открыла глаза, увидела рядом красивое животное. Морской конек? Схватила конька за шею, тот закружил меня в водовороте, попросил: «Отпусти». Никуда я его не отпущу – у него мужское лицо: зеленые глаза, изогнутые губы, к которым я потянулась за поцелуем. Но мужчина-конек вырвался, начал хватать ртом воздух, задыхаться, бить хвостом, поволок за собой, тряхнул.

И уже не он, а Ника трясла меня за плечи. Ее лицо некрасиво скривилось от рыданий.

– Мальчик... Повестка.

– Что?

Я села, еще не совсем соображая, о чем она говорит.

– Пришла повестка.

– Когда?

– У нас будет мальчик, – сказала она и закрыла лицо руками. – Ну за что? Почему со мной всегда так?

Она ткнулась лицом мне в грудь. Я обняла ее, стала гла-

дить по всклокоченным коротким волосам. Телефон валялся на полу, экран еще не погас. Что ж, нам не повезло. Но мы сто раз это обсуждали во всех деталях, до всего договорились. Один шанс из пяти – это много или мало? А Ника так рыдает, будто это гром среди ясного неба.

– Это все из-за меня. Я невезучая. Мне всегда не везет. – Она продолжала всхлипывать.

– Успокойся, родная, пожалуйста.

– Я так и знала, так и знала. Я чувствовала.

Ничего она не чувствовала. Мы обе хотели этого ребенка. Строили планы. Ника придумывала, как декорировать детскую, рисовала эскизы, каждый день меняя воображаемый цвет стен. Придумывала имена – Таисса, Николь, Ребекка, Катя. Но оказалось – мальчик. Я почему-то представила старинный лотерейный барабан, который выплевывает шар с роковой буквой Y, хотя я прекрасно знаю, что выбор делает компьютер, такой же, впрочем, непредсказуемый, как любая лотерея. Система справедлива, шансы в гендерной лотерее у всех равные, дискриминация исключена, а значит, и убиваться бессмысленно. Вынашивание и рождение мальчика – это важная общественная работа, к тому же она хорошо вознаграждается: зарплатой государственной служащей 14-й категории. Слез у меня не было, хотя хорошо бы сейчас вместе с Никой посоветовать на судьбу. Я бы хотела уметь плакать, как она, когда вся боль и обида из тебя выливаются ручьями. Не получается. Когда я последний раз плакала?

Даже не помню. Ника увидела мои сухие глаза и надулась, закусила губу.

– Наверное, ты меня больше не любишь, – сказала Ника бесцветным голосом – она всегда говорит таким голосом, когда обижается.

– Не говори ерунды, – ответила я тоже привычно. – Это ведь и мой ребенок тоже. Мне тоже больно. Так же больно, как тебе.

– Не тебе его носить и не тебе его рожать. Не тебя накачивали гормонами и не из тебя выцарапывали яйцеклетку. Я так хотела быть матерью, а не гребаной матрешкой!

– Не надо так, мы же с тобой обо всем договорились. И ты сама так решила. Мне и тебя жалко, и себя жалко, и этого бедного мальчика жалко. Но зачем страдать из-за того, что мы не можем изменить?

– Все равно это ужасно нечестно. Все вокруг рожают девочек, даже те, кто не очень-то и хотел.

– Налог есть налог.

– Как я не люблю, когда ты начинаешь вот так вещать! Как будто человеческая боль тоже подчиняется твоим проклятым законам.

Я снова обняла Нику за плечи:

– У нас еще будет девочка, я тебе обещаю. Все будет. У нас много времени впереди.

– А ты захочешь потом девочку? Мне почти тридцать. А теперь еще носить мальчика. Девять месяцев. Псу под хвост.

– Ну хочешь, я его выношу вместо тебя? Я правда могу...

Можно попробовать подать заявку на пересмотр.

– Ну да. Еще теперь в декрет уйди. Твоя подружка Лена и так тебя давно обскакала.

Сменила тему. Хороший знак!

– Да брось. Лена славная. Просто у нее – своя работа, а у меня – своя.

– Лена – сука и карьеристка. Они тоже славные бывают.

– Тебе видней.

– Мне видней... Ты все-таки очень наивная.

Главное, Ника постепенно успокаивалась.

– Выношу я этого мальчика, куда я денусь... Матрешка.

Почему они это так мерзко называют? Специально? Чтобы людям на нервы действовать?

Я ошиблась: она снова начала заводиться. Но я не позволила:

– Думаю, наоборот. Чтобы люди проще к этому относились. Матрешка – это же смешно. Чувства ни при чем. Просто дело. Поручение. Надо же их где-то брать, этих мальчиков.

– Почему их в искусственной матке не вынашивают?! Раз об этом столько говорят?

– Я не знаю.

Она помолчала.

– Я скоро буду толстая, уродливая... Лео вот уродливым не будет.

– К Лео ревновать – это уж последнее дело.

Раз Ника начала песню про Лео, значит, переключилась со своего мальчика на моего.

– Для тебя все смешно, не важно и не относится к чувствам?

Можно даже не слушать, что она там говорит. Главное, со всем соглашаться и просить прощения.

– Ты права, дорогая. Прости меня, пожалуйста.

Сработало и в этот раз. За завтраком Ника была уже в порядке, хотя и сидела за столом надутая, позволяя за собой ухаживать, как будто она – уже беременная и госслужащая одновременно. Как все, кто вынашивает мальчиков.

– И зарплата. Куча денег! – напомнила я. – Ты уже посчитала сколько?

Ника получает базовый доход, это значит – часто меняет профессии. Какая сейчас требуется на рынке труда, на такую и меняет, от нее это не зависит. Но на двенадцать месяцев – беременность и постродовая реабилитация – у нее будет контракт государственной служащей. Зарплата! Настоящая зарплата. Денег больше, а главное, это другие деньги – государственные, более престижные.

Лицо ее прояснилось.

Она подвинула к себе телефон, стала искать информацию поконкретнее.

Я сварила кофейный цикорий со вкусом корицы, достала свой и Никин протеиновые коктейли, булочки. Отсканиро-

вала все своим телефоном. Протянула руку:

– Дай свой телефон.

– Угу. – Ника не слышала, погрузившись в упоительный мир тарифных сеток.

Я вытянула телефон у нее из рук. Открыла приложение. Сканер пискнул: протеиновый коктейль, протеиновая булочка. На экране замигала красная точка. Булочку пришлось убрать. У Ники перебор. После выходных – обычное дело.

Я сунула ей телефон обратно.

– А булочка?

– Сорри.

Ника надулась. Отпила коктейль, поморщилась:

– Клубничный? Я же хотела апельсиновый, я этот клубничный уже видеть не могу! Неужели трудно заменить?!

Ника в своих вкусовых пристрастиях так непостоянна, что никакая нутри-доставка за ней не поспевает.

– Хочешь, возьми мой. Ванильный.

– Не все, как ты, пьют одно и то же с двенадцати лет, – буркнула она.

– Мне нравится ванильный. Зачем менять то, что нравится?

– Дай мне свою булку. Я же все равно сегодня дома.

– И?

– На взвешивание не налечу.

С Никой всегда так: как только начинает нервничать, сразу переедает, перебирает норму и из-за этого нервничает еще

больше. В другой день я бы с ней повоевала, но сегодня молча протянула свою булочку.

– Учти только, что сегодня вечером – гости, – напомнила я.

– Только Веры мне сейчас не хватало, – зло сказала Ника с набитым ртом. – Опять начнет учить меня жить.

– Я к тому, что притормози с калориями.

– У Гастро-Марка все легкое. Овощи, пароварка. Во сколько он сегодня? В шесть?

– Может, все-таки начнешь заполнять календарь? Я не понимаю, как ты без него живешь.

– У меня в отличие от тебя не так много дел, я все помню.

– Да? А почему с нас в четверг сняли баллы? Ты театр забыла вписать?

У Ники глаза стали круглые и беспомощные.

– Блин, и правда. Забыла. Прости меня, пожалуйста. Голова дырявая...

– Гастро-Марк в шесть. – Я чмокнула Нику в плечо. – Тогда скажем Вере – в семь? Ты к семи готовить закончишь?

Ника кивнула:

– Господи, я же с этим мальчиком стану как бочка... Никакая пароварка не спасет. – У Ники снова глаза наполнились слезами.

Но мне уже надоело. Я все понимаю: Ника на сильных гормонах, это действует на нервную систему. Выемка яйцеклетки уже прошла, впереди – подсадка, а тут – повестка: вам

подсадят мужской эмбрион. Это как врезаться на полном ходу в забор. Ужасно, конечно. Но я же поддержала, успокоила. Ну правда, сколько можно? Хорошо бы бабушка позволила – она всегда звонит в самое неподходящее время. А вот сейчас было бы в самый раз. Но она еще спит наверняка. Я открыла лэптоп и включила новости.

Ника тут же напряглась:

– Что ты делаешь?

Я? Помогаю Никиному эмоциональному балансу, как нам советовала семейный терапевт. «Не давайте ей уходить в штопор собственных эмоций», «демонстрируйте понимание», «демонстрируйте поддержку». Я демонстрирую? Демонстрирую. Хотя, не скрою, иногда хотелось бы испытывать эти эмоции на самом деле. Но ведь семейная жизнь – это труд, правда?

– Новости смотрю.

Лицо у нашего премьер-министра Татьяны было доброжелательно-спокойным. Мне симпатичны такие лица: в них есть что-то материнское. Премьер к тому же умела улыбаться одними глазами – и сейчас это делала. Камера отъехала. Профессионально-оживленная ведущая обратилась к ее сопернице по дебатам – министру гендерной интеграции:

– Грета, что вы скажете? Это же ваша тема. Вынашивание в искусственной матке кажется мне довольно важным пунктом в вопросе гендерного баланса.

– Я так не думаю.

Камера взяла лицо министра интеграции крупным планом. Лицо красивое – и неуловимо отталкивающее: правильное, как маска, прямые волосы до плеч, тонкие губы.

Ника жевала мою булку. То ли поняла, что наш разговор окончен, то ли успокоилась и тоже уставилась на политиков.

– Нет? – подняла брови ведущая. – Но разве не логично, что, как только все женщины передоверят вынашивание детей аппарату искусственной матки, это станет последним шагом к тому, что...

Грета резко перебила:

– Что женский пол как биологическая данность потеряет всякий смысл?

Премьер-министр слегка ухмыльнулась. Как бы показывая потенциальным избирателям: ну-ну.

– Странно слышать это от министра, задачей которого является гендерная интеграция, – сказала ведущая. – Отчуждая от женщин материнство, мы упраздняем понятие «женщина».

– А что это понятие нам дает? – вмешалась премьер. – Сужает? Да. Ограничивает? Да. Мы – просто люди. Если министр гендерной интеграции с этим не согласна, то мой следующий вопрос: что такое гендерный баланс в ее понимании?

Я усмехнулась: попробуй поспорь с этим.

– Мы все – люди. Но и мужчины пока еще существуют. Нельзя отказывать женщине в праве быть женщиной, при-

знавать и принимать все, что за этим стоит, включая физиологию и психологию, – сказала Грета.

Татьяна покачала головой:

– Я думала, что гендерная интеграция...

Но Грета не дала ей вставить слово:

– Безусловно, наш уровень медицины и здравоохранения позволяет сделать вынашивание в искусственной матке всеобщим. Но хотим ли мы передавать беременность аппарату? Особенно если нет показаний по здоровью женщины? Не говорим ли мы тем самым, что чисто женский опыт материнства не важен и не нужен?

– Быть беременной и быть матерью – это разные... – опять попробовала вклинить премьер-министр. И опять не смогла.

Грета продолжала наступать:

– Отчуждать от женщин материнство – значит, обеднять их эмоциональный мир. Считать их природу, их пол биологической ошибкой. Забота об эмоциональном мире граждан, если я не ошибаюсь, определена в нашей конституции как приоритетная обязанность государства.

– Вот сволочь! – Ника ткнула в экран огрызком булки.

– Кто из двоих?

– Кто, кто... Грета, конечно! Вот бы и вынашивала тогда сама всех этих сраных мальчиков! – Ника захлопнула крышку ноутбука.

– Ты что? – возмутилась я. – Я хочу досмотреть.

– Вредно смотреть за едой, – огрызнулась Ника. – За едой надо жевать и выделять желудочный сок.

– Я не жую. Я пью. Твое здоровье. – Я подняла стакан с остатками протеинового коктейля.

Ника фыркнула. Но не выдержала и улыбнулась.

Мой телефон звякнул. Ника успела бросить взгляд на экран, и улыбка ее замерзла: Лео.

– Это Лео, – сказала я, чтобы подчеркнуть: ничего особенного.

– Он каждый день тебя достает. У него что, других клиентов нет?

Я посмотрела на Нику. Она была раздражена. Но и права тоже. Лео строчил или звонил каждый день. Маялся. Нервничал. Но почему? Я открыла сообщение. «Привет, зая! У меня сегодня отменилась Тамара, может, придешь? Выбрал классный фильм, посмотрим».

Я начала печатать: «Сегодня не могу, ждем гостей». Нет. Суховато. Сперва Тамара отказалась, теперь я, он точно психанет. Стерла. Написала: «Завтра все по плану. Сегодня хотела бы, но придут гости». Вставила блюющий зеленый смайлик. Ответ звякнул тут же: «Понял. Утащи мне что-нибудь вкусненькое со стола. Не забудь». Я ответила стикером: жирное брюхо. Лео был сладкожкой и всех своих женщин разводил на «вкусненькое». Мы его разбаловали, конечно. Но любя! Я отправила Лео еще один видеотик с куском торта и сердечком. Ника сделала кислую мину:

– Тебе с ним явно веселее.

Я отложила телефон:

– Все, пора бежать.

Поцеловала ее в щеку и пошла в прихожую. Ника увязалась следом. Я села на обувную полку, стала натягивать сапоги. Ника прислонилась к стене, скрестила руки, смотрела, как я обуваюсь. Я подняла голову:

– А у тебя учеба во сколько?

– У меня сегодня онлайн-классы.

Я кивнула:

– Интересные?

Ника закатила глаза:

– Кройка. Жуткое занудство. Отложите три миллиметра сюда. Прочертите прямую линию. Вытачка сюда...

– Вот дерьмо! – Я подняла левый сапог: подошва отвалилась и была похожа на челюсть. Просит каши, как говорилось в старину.

Ника взяла сапог, брови сдвинулись. Она не расстроилась, а сразу стала искать выход. Ника любит работать руками, этого у нее не отнять. Обидно, что ее отфутболивают туда-сюда, с одной работы на другую. Она давно получила «полное социальное восстановление». Казалось бы, проехали, страница перевернута. Но нет. Для всех работодателей Ника, похоже, навсегда останется человеком «с судимостью». Я смотрела на нее. На идиотский сапог в ее руках. И понимала, что никогда не смогу от нее уйти. Можно вы-

бросить треснувшую тарелку. Или разорванный сапог. А с людьми так нельзя. Нельзя – и точка.

– Заклеить, я думаю, можно, – сказала она.

– Только на работу мне надо прямо сейчас.

Я встала, подняла крышку обувного ящика, стала перебирать коробки с обувью. Увы, у нас с Никой разный размер.

– Я попробую починить, – сказала Ника сапогам. – Если клей не возьмет, прошью. Или схожу в мастерскую, пусть чинят. Сапоги еще вполне ничего. – Она придирчиво их оглядела, потерла рукавом голенище. И неожиданно добавила: – Задолбало только все это ужасно.

Я вытащила туфли.

– Ну тогда не неси. – Втиснула ноги в туфли, потопала. Слегка тесные и сухие после зимовки.

– А тебя не задолбало?

Еще один бессмысленный диалог, который повторяется регулярно: Ника ноет, что невозможно, когда у тебя всего одни повседневные туфли – коричневые. А я в ответ начинаю нудеть: а сколько тебе надо пар туфель – пять? У тебя ж не десять ног. У всех по одной повседневной удобной паре и по одной нарядной – правила для всех одинаковые. А она: я – не все. А я: ты сама выбрала коричневые. Или: а что, лучше как раньше, когда вся планета завалена горами выброшенного барахла? На что Ника обычно поджимает губы: «Я не про планету говорю, а про наш собственный шкаф». Или демонстративно хлопает дверью.

Повторять все это мне сейчас не хотелось. И я просто ответила:

– Нет, меня не задолбало.

Ника осеклась. Вздохнула. Сказала уже миролюбиво:

– Слушай, не простыла бы. В туфлях. Там дубак.

– Апрель! – возразила я.

– Первое апреля, – уточнила Ника.

Обычно уточнять приходится мне. Я улыбнулась:

– Ладно. Тогда велик отменяется. Поеду на трамвае. Чтобы не простыть.

Ника постучала сапогом о сапог. Лицо деловое, почти счастливое. Наконец она может что-то проконтролировать, сделать, завершить. Пусть это всего лишь и подошва.

– Опаздываю – жутко! – Я схватила сумку, намотала шарф.

Ника рассеянно ответила на мой поцелуй: сапоги она прижимала к груди, а мыслями была уже в процессе починки.

8.50

Я спустилась по лестнице с нашего четвертого этажа. Все-таки хорошо, что лифты давно отменили (кроме тех, что в министерских высотках). Как говорит моя бабушка, с тех пор задницы стали меньше – ей, конечно, видней. Я не застала мир с лифтами и эскалаторами повсюду.

Мы с Никой надеялись, что, когда родим ребенка, сможем

подать заявку на переезд в таунхаус. У семей с детьми – приоритет на получение личного маленького садика. Это, конечно, мечта. Но нам выпал мальчик. Значит, пока не судьба, продолжим бегать вверх-вниз по лестнице.

Туфли уже слегка размягчились по ноге, а я шла и все оттачивала реплики, которые могла бы бросить Нике.

Ну и что, что одни туфли. Ну и что, что коричневые. Главное, они были целые и не жали. Порвутся – отремонтирую, а если нельзя уже будет отремонтировать, сдам в утиль и куплю новые. Что тут плохого? Когда случилась катастрофа, вернее, когда ее удалось обуздать и надо было решать, как жить дальше, раз уж старый мир рухнул, была принята Декларация достаточного комфорта. Уровень жизни 2024 года взяли за основу с некоторыми, конечно, поправками. Смысл ее прост: хватит! Хватит давиться едой, вещами, мусором. Достаточно – это значит, что человеку уже хорошо, но еще не вредит экологии. Декларация достаточного комфорта была чуть ли не первым документом нового правительства. У нее сначала было много противниц, но и они заткнулись, когда исчезли последние мусорные свалки. Концепция себя оправдала в действии. Декларацию теперь проходят в школе, и оспаривать ее сейчас может только человек, склонный к истерикам и преувеличениям. Такой, как Ника.

Одна пара повседневных туфель – это и есть достаточный комфорт. А мобильный телефон – необходимость.

Мимо проехал трамвай, я не успела заметить номер.

Трамваи необходимы тоже. А вот автомобили – нет, даже электрические, потому что электромагнитное загрязнение ничуть не лучше выхлопных газов.

У меня есть много чего сказать Нике. Но когда у нее на лице появляется эта кислая мина, я сжимаюсь. Мне сбежать хочется, а не говорить.

На ходу я вынула телефон, чтобы проверить время: кажется, всерьез опаздываю. Резкий хлопок в ладоши прямо у лица чуть не заставил меня подпрыгнуть. Незнакомая женщина засмеялась:

– Не смотрите в телефон на ходу.

Я ответила улыбкой, бросила телефон в сумку.

Мимо шелестели велосипеды. В это время все едут на работу. Или идут. В черно-бело-серо-бежевой толпе иногда весело мелькали неоновно-желтые мешковатые комбинезоны мужчин. Их зеркальные стекла-маски и черные шланги блестяли на солнце. Встречные прохожие то и дело невольно смотрели на мои ноги. На туфли. И каждая наверняка думала: эх, дура я, надо было и мне туфли надеть. Не так уж холодно. Ногам было легко. И прохладно. Как же приятно после зимы с ее ботинками и сапогами вот так шагать! Чувствовать неровности тротуара. Холодок воздуха. Слепящее солнце. На голых деревьях уже набухли почки. Скоро все подернется зеленым пухом. А потом уже и не разглядеть будет домов за листвой. Москва прекрасна весной. Я пристроилась в хвост очереди на трамвайной остановке. Экран-стена

замерцал голубым, надпись сообщила: «Ожидание – шесть минут» – и осыпалась. Брызнули розовые сердечки. Такой пронзительный цвет, что все в очереди повернули голову.

Мужчина Апреля, пообещал экран.

Лицо.

– Ну и тип, – заметила женщина впереди меня. Лица не видно, только затылок с седоватым каре, но голос противный, резкий.

– Странный, – с готовностью отозвалась другая, сзади.

Согласна. Как будто я уже где-то видела это длинное тонкое лицо, острые скулы, впалые щеки, подбородок с ямочкой. Не похож на привычных жизнерадостных весенних календарных мужчин. Смотрит исподлобья, чуть хмуро из-под упавших на лоб длинных темных кудрей. Одет не в привычную черную учительскую униформу, а в белую рубашку, расстегнутую на груди. Портрет черно-белый, в ретростиле, непонятно, какого цвета у него глаза, видно только, что светлые. Наверное, серые или голубые. Теперь мы целый месяц повсюду будем видеть это лицо, оно станет частью пейзажа, мы постепенно перестанем его замечать. А пока у него есть имя, профессия, возраст. «Том, учитель, 19 лет», – сообщает постер.

– Опять учитель. Уже третий раз за год.

Календари – это всеобщее ежемесячное развлечение. У каждой есть мнение, как надо, как не надо. Кого отбирать. Кого – нет. Все замечено, принято к сведению. Сколько было

блондинов, сколько брюнетов – все посчитано.

– Мне Январь понравился. Кузнец. Фартук, мышцы, огонь. Вот это я понимаю. А тут – щуплый... Мальчишка. Скоро что, совсем детей ставить начнут?... Я голосовала за другого, вот тот был настоящий викинг – блондин с вот такой бородой... – не унималась женщина, которая начала дискуссию – та самая, с противным голосом. Все горячо включились в разговор и реплики посыпались одна за другой.

– Зачем только сообщать имя и все остальное?

– А что?

– Мне нравилось, когда это была такая безымянная мечта. Тайна.

– Разве не приятно знать, что это – конкретный человек?

– Зачем? – снова вступила первая женщина. И раздраженно добавила: – Это все бред Греты. Точно. Это от нее пошло. Мужчины, их неповторимая индивидуальность, их права, бла-бла-бла. Скоро в календарь начнут и страшных совать, и жирных, и коротышек. – Она оглянулась за поддержкой.

Но реплика повисла. Такие темы могут привести к спору, спор – к конфликту, а конфликт вреден для общества. Все сделали вид, что не слышали. А та, что ляпнула, сделала вид, что ничего не говорила.

– О, вы в туфлях, – произнес кто-то позади меня. – А я дура. Надо было и мне туфли надеть. Ужас как ботинки надели.

Лицо Апреля осыпалось пикселями. Голубая надпись сообщила: ожидание – две минуты.

– У нас в России длинная зима, – приветливо улыбнулась я.

Один из тех бесценных фактов, с помощью которых незнакомые люди поддерживают разговоры, демонстрирующие себе и окружающим: вот ты, а вот я, я тебя вижу, а ты видишь меня, и все мы славные люди, всегда готовые прийти друг другу на помощь. Если что. Хотя все знают, что никакого «если что» не случится. Москва – безопасный город, а в России, согласно статистике, 93,8 процента смертей – смерти от старости. Если, конечно, не учитывать мужчин.

Хоть взять вот эту очередь. Доброжелательные лица, спокойные взгляды. В осанке и жестах – довольство собой, своей жизнью. Мне захотелось рассказать этим чужим приветливым и милым женщинам, что нам сегодня выпал мальчик и, может быть, он, этот мальчик, окажется на календаре в каком-нибудь далеком будущем апреле. Никто из них не начал бы ахать или сочувствовать. Наоборот, меня бы по-сестрински поздравили, подбодрили. Многие даже радуются такой возможности: целый год получать зарплату госслужащей и при этом отдыхать от работы.

Опять брызнули розовые сердечки – Мужчина Апреля. Но теперь женщины на остановке готовы были делиться мнениями. И дискуссия вспыхнула по новой.

– Ну не знаю... Жидковат как-то.

– Вы думаете? Вроде просто худенький...

– Мужчина должен выглядеть как мужчина. Рослый. Чтобы мышцы были. Рельеф. А еще мне татуировки нравятся, очень они мужественно выглядят.

– У нас в отделе все дружно голосовали за другого. Как этот задохлик вообще прошел?

– Да ну, вы зря, этот тоже симпатичный. В своем роде.

– Да, вы правы, – поспешила согласиться любительница татуированных силачей, ибо в нашем обществе все открыты чужим точкам зрения и все уважают мнение, с которым не согласны. – Глаза красивые.

– По-моему, ракурс неудачный.

Уважают, конечно, уважают. Но покритиковать ведь тоже хочется.

– Согласна. Что за ракурс? Покажите уж задницу! Это же календарь!

– Они ему рубашку расстегнули. Почти видно живот.

Все философски умолкли, посмотрели на портрет под этим углом. Что в мужчине важнее: торс или задница? Вечный бытийный спор. Но экран опять моргнул. Апрель осыпался. Ожидание – две минуты. Снова Апрель. И дебаты возобновились:

– Будто из клиники выписали.

– Сейчас такое модно.

– У него и задница небось плоская. Схватить не за что.

– Зато он учитель, умный, наверное, наверное, с ним ин-

интересно разговаривать.

– Господи, о чем с мужиками вообще разговаривать?

Спор опять как-то неприятно закипел. Очередь это почувствовала. Я прямо слышала, как женщины дружно принялись соображать, как бы восстановить атмосферу благодушия, безопасности, поддержки.

– Верно, рот у мужчины должен быть занят! – задорно выпалила одна из них.

Не бог весть какой юмор, но все благодарно засмеялись.

Подошел трамвай. Вышла кондуктор в форменном жилете. Откинула ступеньку, выдвинула рамку сканера. Индекс массы тела. Женщины подходили по очереди, становились. Рамка издавала писк. Очередь двигалась. Встала и я.

– О, вы сегодня в туфлях, – улыбнулась кондуктор.

Веснушки, рыжая коса. Приятное лицо. Я улыбнулась в ответ. Сканер пискнул. Кондуктор скосила глаза на цифры у себя в планшете:

– Ой-ой. Небольшой переборчик.

Ее пальцы быстро забегали по буквам и цифрам.

– Этого не может быть! – запротестовала я.

Кондуктор показала экран. Перебор, да. Но я все равно сказала:

– Это какая-то ошибка.

– Да-да, – закивали, засмеялись в очереди. – Ага. Я ничего не сделала. Оно само.

Меня это здорово задело. Нечестно!

– Но я же проверила перед выходом! Я никогда не забываю такое! Я всегда знаю, сколько я съела и выпила.

Все опять засмеялись, кто-то меня подбодрил: мол, со всеми бывает, после выходных-то!

Кондуктор задорно ткнула: отправить. Мой телефон звякнул: пришла электронная квитанция. Шестьсот баллов.

– Будьте добры погасить штраф в течение семи дней, – с улыбкой напомнила кондуктор.

Я прошла в салон. На ступеньку встала следующая.

– Какая у вас красивая сумка, – сказала ей кондуктор.

У нее для каждой было что сказать хорошего.

Но шестьсот баллов! Этого не может быть. Это просто невозможно. Меня трясло от негодования. Я плюхнулась на сиденье. В окне мерцал экран. Апрель посмотрел на меня исподлобья.

Мальчик... Ну да, мальчик... И у нас будет мальчик... Может быть, будет похож на этого, когда вырастет. Но мы этого не узнаем никогда. Апрель осыпался. Вспыхнуло: «Выборы в парламент». Сначала добродушное лицо премьер-министра Татьяны. Потом строгое лицо Греты, как всегда, без тени улыбки. «Она очень плохо выглядит», – подумала я. Дверь с шипением закрылась.

– Много? – посочувствовала женщина на соседнем сиденье.

Я удивленно повернулась, не сразу сообразив, о чем она.

– Штрафанули на сколько? – уточнила женщина.

– Шестьсот.

– Ну ничего. Пара хороших пробежек, и все.

– Дело не в этом!

– А в чем? – удивилась она.

– Я – не виновата.

Женщина ободряюще улыбнулась, вздохнула и уставилась в свой телефон.

Мимо летел бульвар.

Дело ведь не в штрафе! И попутчица права: шестьсот баллов – это немного. Просто несправедливо. Я стала смотреть в окно: мимо неслись женщины на велосипедах. То ли от солнца, то ли от того, что в воздухе пахло весной, все казались веселыми и нарядными. Многие без шапок, с развевающимися волосами. Блестели стекла их солнечных очков.

Задумчивое лицо Апреля покрывало весь торец старинного четырехэтажного дома. Том, учитель, 19 лет. Я опять на него засмотрелась, чуть шею не свернула.

Трамвай остановился. Женщины начали выходить. Я вскочила, бросилась следом.

– Вам же на Арбат! – спохватилась кондукторша.

Я пожалала плечами. Поспешила к дверям.

– А вот это правильно! – весело крикнула мне в спину кондукторша: – Пешком!.. Я спишу за одну остановку!

Я помахала ей с тротуара. Трамвай с еле слышным шипением проехал мимо, от окон стреляли солнечные блики. Не видно, помахала ли кондуктор мне в ответ. Конечно же, по-

махала.

Отсюда уже была видна моя Сестра – одна из семи башен-близнецов. Издали она казалась зеленым холмом, над которым развевается круглый трехцветный государственный флаг – белый круг, синий круг, а на месте красного круга – красное сердце. После Большого Поворота все флаги стали круглыми, а не прямоугольными, как это было тысячелетиями в старом угловатом мире. Мире мужчин, прямых линий, вертикалей. Моя бабушка бесится, что флаги теперь похожи на мишени – стреляй прямо в сердце! Но бабушку бесит примерно все. А по-моему, это здорово, что в центре флага – алое сердце. Человечно. И немного смешно. Самоирония еще никому не вредила. Особенно государству.

Уже на подходе к нашей высотке на Арбате я почувствовала дыхание леса. В свое время каждую из семи высоток обнесли дополнительным ступенчатым фасадом, а на ступенях разбили хвойные и смешанные лесопарки. Это очень красиво. Семь курчавых зеленых башен придают московской панораме живописность. Каждая со временем превратилась в законченную экосистему: сперва появились птицы, потом мелкие животные. Это здорово. Я предложила Лене повесить у окон кормушки. Всем в их отделе это страшно понравилось. Зимой особенно хорошо видно, кто живет в ветвях нашего здания Биологической Безопасности. Я подключила Лену к определителю птиц, и скоро у них составила полная статистика посещений. Три вида синиц. Сороки. Белки.

И пять видов дятлов! Раз есть дятлы, то наш лесопарк уже можно назвать старым, рассказала я им. Они были очень рады. Даже горды.

Они – это отдел самоубийств.

9.30

Я вошла в просторный офис самоубийц (так их все называли для краткости и ясности) как раз в тот момент, когда Лена отправляла в утиль-пакет Март и вешала на его место Апрель. Она отошла на шаг. Смерила Мужчину Апреля взглядом – с ног до головы и с головы до ног. И объявила:

– Стручок.

– Лен, тебя только качки устраивают. – Я невольно улыбнулась, разматывая сразу ставший жарким шарф. – Привет.

– Привет, – удивилась она. – А... ты сегодня рано.

Что бы там ни думала Ника, с Леной мы подруги, несмотря на ее куда более завидную карьеру. Мы вместе учились в полицейской академии, вместе ее окончили. Лену определили в отдел самоубийств, а меня – в отдел преступлений против личностей, не являющихся людьми (бывший отдел защиты животных). Работаем мы с Леной недалеко друг от друга и почти каждый день встречаемся за ланчем в столовке. Но сегодня я не могла ждать ланча. Мне надо было выговориться.

– Наташа тоже сегодня рано, – на всякий случай преду-

предила Лена.

Ее босс Наташа тут же высунулась из-за экрана, посмотрела на календарь.

– Зачетный, – сообщила она про Апреля.

Лена воздела указательный палец перед моим носом и объявила:

– Один-один.

– Дружеская ничья. Вот что значит – сбалансированный коллектив, – подтвердила Наташа. – Ариадна, можем чем-то помочь?

Появление в чужом отделе явно не осталось незамеченным.

– Нет-нет, просто заглянула поздороваться.

Лена кивнула Наташе:

– Попрощаюсь в коридоре.

А в коридоре сразу спросила:

– Ты в порядке?

– В порядке. В трамвае на жировес налетела. Вышла пораньше, хотелось успокоиться.

Лена обрадовалась:

– Давно пора. Сколько веревочке ни виться...

Я показала ей средний палец.

– Не будем о грустном, – оживилась Лена.

Жировес ей неинтересен. Лена три дня в неделю играет в футбол. Сканер, всеми запанибрата называемый жировес, – ее лучший друг. Ее худший друг – эротикон, приложение для

знакомств с мужчинами.

– И что? Большой штраф?

Мы обе оглянулись. Наташа стояла в дверях. Оказалось, жировес интересен ей. Почему – непонятно. От давнего кенийского прапрадеда, московского студента-медика, Наташе достались темная кожа, курчавые волосы и сухощавая фигура бегуньи на длинные дистанции. Бывают же люди, которые тренируются просто для удовольствия!

Я отмахнулась:

– Пустяки.

Мол, разберемся. Наташа кивнула. И исчезла за дверью.

– Бдит, – прокомментировала Лена.

– Ну и обстановочка у вас.

– Нормальная. Доверяй, но проверяй. А что грустного-то?

– Ничего. Просто заскочила привет сказать.

Но я не ушла. А Лена все смотрела, смотрела, смотрела.

Взгляд следователя, хорошего следователя. Я сдалась:

– Нам с Никой выпал мальчик, – сказала я тихо.

Мне хотелось, чтобы она подмигнула и отпустила очередную шуточку про то, на что годятся мальчики. Но Лена не улыбнулась:

– Так. Пошли на кухню. Шеф твой там тебя не хватится?

Ты бы сказала ей, что ты спустилась к нам.

Я отмахнулась:

– Оксана нормальная. Не свирепствует.

На кухне Лена молча сварила нам по большой чашке ци-

кория, повернулась ко мне:

– И что ты чувствуешь?

Я пожала плечами:

– Ника расстроилась.

Лена помолчала:

– Еще не факт, что он родится. Может, будет выкидыш...

Сама знаешь. Приглядывай за Никой. Чтобы она не сглупила.

Я кивнула. Лена с Никой знакома. Она ее, как бы сказать, не одобряет. Ника может наделать глупостей – и делала их в прошлом, о чем Лена прекрасно знает. К тому же у нас очень хорошие следователи по преступлениям против неродившихся мальчиков. Почти всех, кто пытается мухлевать, выводят на чистую воду. Лена сунула чашку под кран, сказала струе:

– Всем кажется, что это дело легко замаскировать под несчастный случай. Но это только кажется.

Я кивнула:

– Я буду с ней повнимательней. – И чтобы закрыть тему: – Мне на жировесе в трамвае вlepили штраф на шестьсот баллов. Представляешь?

Лена с ее чутьем поняла, хмыкнула только:

– Суки.

У меня вдруг защемило в глазах.

– Это лотерея, – сказала Лена.

Но мы обе знали, что она не про жировес и баллы.

Я повторила:
– Лотерея.

12.30

Я закончила короткий отчет по прошлой неделе, посмотрела на часы. Отлично. Успела отправить раньше времени. Неделя выдалась спокойной. Перенесли два муравейника, и больше ничего. В этом году лесные муравьи под ударами первого весеннего тепла проснулись рано и тут же отправились в поход со всем имуществом и яйцами: искать новое место для муравейника. Поступили сигналы с проспекта Софьи Ковалевской и улицы Галины Улановой. Одна муравьиная колония начала отстраиваться возле детской песочницы, а на Улановой – под деревом в частном саду. На Улановой разобрались быстро: жильцам понравились новые соседи, они были даже рады получить в свой сад муравьев. С песочницей дело затянулось. Я придумала поговорить с детскими садами в округе: может, кому-то был бы интересен такой проект – наблюдать с малышами за жизнью колонии? Научить детей основам невмешательства в жизнь животных. Садики были «за». Но потом, когда мы замеряли ареал активности колонии, то поняли, что, увы, не выйдет. Колонию пришлось перенести в лес.

– Оксана, отчет по муравейникам у тебя, – сказала поверх экрана.

Кудрявая рыжая макушка за компьютером кивнула. Я схватила свой телефон и пошла в столовую.

Ланч еще толком не начался. Было пусто. Я протянула телефон к сканеру. Тот пискнул. Зажужжал замок, щелкнула дверца холодильника – открыла, взяла поднос с обедом, выбрала большое кресло-яйцо в углу. Поставила поднос на столик рядом. Поестъ успею. Открыла в телефоне квитанцию. В самом низу стояло: «По всем вопросам обращайтесь по номеру...» А как же. Не сомневайтесь. Я нажала номер. Соединение. Со мной заговорил механический голос: «Если вы...» Прослушала все опции. «Нажмите решетку и дождитесь ответа оператора». Не сомневайтесь, буду ждать, пока не дождусь. «В настоящий момент все операторы заняты, пожалуйста, оставайтесь на линии». Я поставила телефон на громкую связь. Положила на стол. Встряхнула бутылочку с протеиновым коктейлем. Только успела поднести ко рту, как телефон заговорил:

– Здравствуйте, Ариадна. Чем я могу вам помочь?

Я быстро отставила бутылочку. Представляться мне не требовалось. Перед оператором уже было мое полное метаболическое досье, привязанное к телефонному номеру.

– Сегодня мне выписали штраф.

– Все верно. Вижу. Шестьсот баллов.

– Не уверена, что все верно.

– Так, сейчас посмотрим.

– Я всегда четко знаю, что и сколько я съела.

– Может быть, вы забыли отсканировать что-то?

– Нет. Я никогда ничего не забываю.

Оператор мягко заметила:

– Бывают разные ситуации. Даже с очень пунктуальными людьми.

Может ли она знать, что нам пришла повестка на мальчика?

– Какие такие, например? – спросила я. Вышло грубо.

Она успокаивающе засмеялась:

– Например, гандбол. Финальный матч между нашими и норвежками. Или хоккей: когда наши играют с канадками. На следующий день – ураган штрафов. Люди волнуются. И немного забывают, что они там по ходу дела съели и выпили.

Я опомнилась. Попробовала улыбнуться:

– Извините. Нет. Это исключено. Правда.

Я услышала, как она клацает клавишами:

– Та-а-а-ак. Давайте проверим... Хм. Я не вижу ошибки в системе...

– Я настаиваю, – перебила я. Чтобы она поняла: я не сдамся.

В дверях столовой показалась Лена в расстегнутом пальто. Я махнула ей рукой: мол, тихо, разговариваю. Лена отсканировала свою пищевую карту, получила обед. Подошла, пристроила поднос рядом с моим. Подвинула кресло, сбросила пальто на спинку.

Я предложила в телефон:

– Могу после работы заехать в клинику и пройти скан на содержание жира.

Лена закатила глаза. Преувеличенно-драматично шепнула: «Божтымой! Это же какие-то шестьсот баллов! Не смеши людей». Я ответила суровой гримасой: дело в принципе! Лена покачала головой, сунула в рот ложку с йогуртом. И тут же скосила глаза в свой телефон. Палец ее мелькал слева направо. Значит, Лена была, где обычно: в эротиконе. Но сейчас мне было не до нее.

– Если надо, я сдам анализ крови, – предложила я оператору.

Лена подняла на меня глаза с удивлением.

– Тебе не лень? – спросила.

Оператор наконец ответила:

– Вижу, что на вашем счету висят два ужина в ресторане «Золотой лотос», которые и дали...

– Значит, это ошибка ресторана! – крикнула я.

Лена замерла с ложкой во рту.

– Понимаю, что вы расстроены, – посочувствовала оператор.

Я смутилась:

– Пожалуйста, извините. Я знаю, что это не ваша ошибка. Позвоню в ресторан и выясню, в чем дело. Ведь я там вообще никогда не ужинала!

– Все в порядке, – ответила оператор. – Я понимаю, вас взволновала возможная несправедливость. Я уже вхожу в их

регистр.

Застрекотали клавиши.

Лена поймала мой взгляд. Я наклонилась над подносом, стала открывать овощное пюре.

– Уф, – выдохнула оператор, – похоже, я должна попросить у вас прощения. Эти ужины привязаны через сканер к другому персональному номеру. Я сообщу в «Золотой лотос», что их система дала сбой. Им стоит проконсультироваться с айти-специалистами. Вы были правы. Штраф действительно наложен ошибочно. Я аннулирую его. Пожалуйста, примите искренние извинения. Мне так жаль, эта ошибка в системе, конечно же, вызвала у вас стресс.

Я со своей стороны произнесла все положенные извинения. Мы обе повторили, что понимаем чувства друг друга, нам обеим так жаль, но теперь мы так рады. И, потанцевав немного вокруг главного табу нашего общества – агрессии, наконец разъединились.

– Ну ты даешь! – сказала Лена. – Из-за каких-то баллов.

– Это было несправедливо, – повторила я.

Лена пожала плечами. Мне хотелось поскорее это все стряхнуть. Я наклонилась через стол с почти искренним интересом:

– Ну, кто у тебя там?

Лена охотно развернула ко мне телефонный экран: брюнет с широким подбородком.

– Хотя мне, вообще-то, нравятся блондины... – начала Ле-

на.

Но брюнет уже отправил ее налево, в отказы: нет.

– Говнюк, – беззлобноотреагировала Лена. – Все равно мне больше нравятся блондины.

Мы ели и болтали. Как обычно. И, как обычно, у Лены все тренькал и тренькал в телефоне эротикон. Столовая начала заполняться. Нарастал рокот разговоров и стук посуды. Оксана помахала рукой из очереди. Я помахала в ответ.

Взгляд мой упал на пальто Лены, перекинутое через спинку кресла.

– Была на вызове?

Лена будто не услышала. Беззаботно сообщила экрану:

– Сегодня не мой день. Меня никто не хочет трахать.

Не понять, на самом ли деле ее это расстроило.

– У тебя в профиле написано, что тебя не интересует постоянная связь.

– И что?

– Мужчин это отпугивает.

– Почему? Наоборот же: свобода. Встретились, расстались, никто никому ничего не должен.

– Никто не хочет выбрасывать время на случайные связи.

Годы-то идут.

Лена ждала продолжения.

– Всем нужны баллы, – просто сказала я. – А мужчина в тридцать пять... Да и то если доживет.

Постоянная связь означает, что мужчина получает статус

конкубина и его женщина отчисляет часть своих пенсионных баллов ему на счет. Социальная справедливость в действии. Социально сильные должны помогать социально слабым.

– Тем более, – не сдавалась Лена. – Если он в любой день рискует заразиться и умереть, может, секс со мной – его последний секс в жизни?

– Невозможно думать об этом каждый день.

– А о пенсионных баллах можно?

Я кивнула. Лена кислотовато улыбнулась:

– А как же страсть? А романтика?

– Задай этот вопрос пенсионному фонду.

– Очень смешно.

Подошла с подносом ее коллега Адель, подседа:

– Что смешно? Я тоже хочу посмеяться.

– Я все это припомню, когда буду голосовать, – шутливо буркнула Лена. И повернулась к Адели: – Почему все мужики – сволочи?

Адель – семейный идеал. Со своей партнершей они вместе со школы. Двое детей, которым родители подыскали экзотические имена. Уютный дом, секции, кружки, совместные хобби. Море общественной работы. И никаких сексуальных связей вне семьи. Конечно же. Иначе Лене не нравилось бы ее донимать.

Адель спокойно ответила:

– В узком сегменте рынка предложение всегда будет ограниченным. Мужчин мало.

– А красивых мужчин – еще меньше, – со вздохом согласилась Лена. – Делать-то что?

– Попробуй некрасивых, – предложила я.

Лена изобразила, что ее тошнит.

– Начни встречаться с женщинами, – предложила Адель. –

Их много.

– Начни встречаться с орангутангами, – съязвила гетеросексуальная Лена. – Их тоже много.

– Как выходные, Адель? – поспешила я сменить тему, пока разговор не пропитался ядом.

– Мы с Невой и Тайгой запускали змея. Потом повели их на танцы.

Лена хмыкнула, но благоразумно заткнула себе рот ложкой йогурта.

Подошла Оксана:

– Ариадна, ты что, не видишь, я тебе машу? Зову тебя, зову...

Я поднялась:

– Ох, извини. Я видела. Думала, ты просто к нам подсесть хочешь.

Оксана нахмурилась:

– Прости, что прервала ланч. Надеюсь, ты хоть что-то съесть успела.

Адель и Лена подняли головы:

– Что такое?

– У нас новое дело, – только и сказала Оксана. – Идем.

Когда Оксана завела меня в отдельный кабинет и даже закрыла дверь, пусть прозрачную, я поняла: что-то случилось.

– Учти, – начала Оксана. – Пока никому ни слова. Никому.

Случилось не просто что-то, а нечто экстраординарное.

– Оксан, ты меня пугаешь, – призналась я.

Та мрачно кивнула:

– Пропал кролик.

13.10

Я вынула телефон. Посмотрела на дом, сверила адрес. Кисловский переулок. Все верно. Сюда. Из-под моих ног уходила дорожка к входной двери. Таунхаус, построенный на месте снесенного ветхого дома, ничем, кроме цвета стен, не отличался от соседних. Такой же большой ухоженный сад. Такая же тишина благополучия. Один из наиболее престижных микрорайонов Москвы. Еще бы – самый центр, но отдельные дома с просторными садами.

В этом доме жила семья министра гендерной интеграции. Той самой женщины с тонкими губами, которую я привыкла видеть только в новостях. Греты. И теперь у нее пропал кролик.

Я увижу ее саму. Ее семью. Увижу ее дом. Суну нос, чего уж там, назовем все своими именами. Меня щекотало любо-

пытство.

Я прошла по дорожке, стараясь делать вид, что не глазею по сторонам. Позвонила в дверь. Тишина. Позвонила еще раз. Ничего. Я немного растерялась. Отступила на шаг. Неужели дома никого? Заглянула в окно. И тут дверь открылась. На пороге стояла невысокая женщина с восточными чертами лица. Айна, вспомнила я имя и фотографию в учетной карточке кролика. Узкие глаза смирили меня. Вышло и правда неловко: будто я в окна подглядывала.

– Я звонила, но...

– Что вам надо? – Голос громкий и грубый.

– Здравствуйте, Айна. Я из полиции. Отдел преступлений против личностей, не являющихся людьми. Меня зовут Ариадна. Ваш кролик...

Вид у нее был до того мрачный, что я постаралась успокоить:

– Не тревожьтесь. Далеко он не удрал. Я слежу за *GPS*-показаниями с его чипа, он где-то в радиусе дома.

Она фыркнула мне в лицо:

– Ну не стойте, проходите, – приоткрыла шире дверь.

– Я хотела бы начать с осмотра места происшествия.

Согласно правилам, кролики должны содержаться в саду, огороженном сеткой, ширина ячеек которой пропускает птиц. Держать их в доме запрещено.

– Туда. За домом, – махнула рукой Айна. Не улыбнулась, не предложила воды. Но и не пошла за мной. Просто убеди-

лась, что я повернула за угол, а сама скрылась в доме. Ну-ну.

Я обошла вольер по периметру. Сетка соответствовала всем требованиям. Но в этом я и не сомневалась: политики не из тех, кто нарушает правила, ты же на виду у всех. Угол сетки завернулся. Я сделала несколько фотографий. Ясно, что дыру проделал не кролик: она была достаточно большой, чтобы пролез... я пролезла сама туда и обратно и убедилась: чтобы пролез человек. И пошла к деревянному кроличьему домику, по пути внимательно осматривая траву. Она была сочная, светло-зеленая. Самый распространенный сорт «Анна Аткинс», устойчивый к холодам, но не враждебный местной флоре. Рекомендуют всем, кто держит кроликов. Грета и здесь четко следовала инструкциям. Я поворошила траву. Кое-где она была примята, но не настолько, чтобы следы человека отпечатались четко. Их мог оставить любой из жильцов. Вынула телефон и еще раз проверила файл с их именами и фотографиями: Грета, 38 лет, Айна, 36 лет, Туяра, 15 лет, Том, учитель, 19 лет, – он один был без фотографии, так как не был членом семьи. Деревянный кроличий домик задвинут в укромный угол под кустом. Я опять сверилась с файлом, все чисто: падуболистная магония – не имеет противопоказаний.

Я оглядела сад: старые яблони, корявые и низкие. За хвойной вечнозеленой оградой просматривались соседские дома. Может, кто-то что-нибудь видел. Но не удивлюсь, если нет. Когда ваша соседка – популярный политик, вы из кожи вон

лезете, чтобы не смотреть в ее сторону, тем самым демонстрируя, что вы человек воспитанный и деликатный. Но я, конечно, на всякий случай допрошу и соседей.

С телефоном в руке я наклонилась к входу в кроличий домик. В ноздри ударил уютный запах соломы. Я поворошила: увидела бурые зернышки кроличьих фекалий. Положила несколько в пакет, запечатала – экскременты о многом могут рассказать. Домик был как домик. Дерево еще не посерело от воздуха, было желтым и свежим. Домик ровно такой, как требуется. Купленный – сфотографировала клеймо с серийным номером – у сертифицированного производителя. Угол, где дальняя стена сходилась с крышей, привлек мое внимание. Черный разъем для электронного устройства был пуст. Я услышала шорох за спиной. Быстро разогнулась. Стукнулась о край крыши. Обернулась, потирая затылок.

– Осторожнее. – Передо мной стояла Айна.

– Когда вы заметили, что кролик пропал? – спросила я.

Ее черные глаза казались прорезями в маске.

– Туяра говорит, что сразу же вам позвонила.

Я кивнула.

– Мы его не обижали, – презрительно сказала Айна. Сцепила руки на груди.

– Нисколько не сомневаюсь, – улыбнулась я.

– Все сразу думают: раз сбежал, значит, допекли.

Сбежал? Только если у него были кусачки. Да и дыру вырезал крупноватую. Польстил себе размером, прямо скажем.

Но этого я Айне не сказала. Показала на кроличий домик:

– Вы поставили там видеокамеру.

– Ну да. Вроде того. Наблюдать повадки. Туяру спросите.

Она этим занималась.

Ее глаза остановились на прозрачном пакетике в моей руке.

– Экскременты, – пояснила я. – Для анализа.

Она вдруг вскинулась:

– Вы что?! Думаете, мы его отравили?!

Я опешила. А лицо Айны было перекошено от бешенства.

– Совсем уже? Вы соображаете... – прошипела она.

Мне пришлось отступить на шаг.

– Уходите! Как вам... У вас хоть минимальный такт есть?

Мне захотелось фыркнуть: «А у вас – хоть минимальное представление о вежливости?» Но тут задняя дверь открылась.

– Мама!

Айна запнулась, только вперила в меня гневный взгляд.

На пороге кухни стояла девочка-подросток. Черные косы, скуластое лицо, а глаза светлые – похожа и не похожа на Айну.

– Привет, Туяра. – Я отвернулась от Айны.

– Вы по поводу Ангела? – В голосе девочки слышалось отчаяние.

– Я из полиции, насчет кролика. Туяра, скажи, пожалуйста, тут в его домике камера...

– Да, я купила круглосуточную зоокамеру. Наблюдать. Вдруг Ангел что-то интересное сделает. Многие ставят камеры. – Туяра сбежала с крыльца. Шмыгнула, присела на корточки, так что ее косы махнули по соломе, сунула не глядя руку в угол. Медленно вынула пустую руку. На лице удивление. – Камеры нет. Но она точно была... Вчера утром была. Я проверяла, сколько заряда осталось в батарее.

Она растерянно посмотрела на мать. Растерянно? Или с подозрением? Лицо Айны не выражало ничего.

– Разберемся, – сказала я. – Это все поправимо. Скажи, пожалуйста, запись с камеры ведь шла на домашний компьютер? На твой?

Туяра помотала косами:

– Нет, это была недорогая камера. Мама против дорогих вещей.

Я заметила почти неуловимое движение Айны, и Туяра осеклась.

– Запись шла на флешку, ее надо было вынимать и скачивать.

– Как часто?

– Каждые сутки.

– Ты ее вынула? Сегодня, когда обнаружила, что кролик пропал?

Вдруг Туяра заплакала. Ткнулась лбом матери в плечо, зарыдала уже в голос:

– Это не я!

Айна обхватила ее, стала гладить затылок, а мне прошептала:

– Уходите. Как вам не стыдно!

Я взбесилась. Но постаралась говорить ровно:

– Прошу прощения, но я не очень понимаю, почему вы со мной так разговариваете. Если вы решили, что я настроена против вас или в чем-то вас подозреваю, то...

– Это не я взяла камеру!

– Я это уже поняла, – заверила я. – Я имею в виду...

– Да идите вы!.. Со своим поганим кроликом! – завопила Айна. – Оставьте уже нас в покое! – Обернулась на дом и во всю мощь легких гаркнула: – Томми!

Я чуть не подпрыгнула на месте. Ее крик полоснул меня по ушам. Вот это легкие, вот это связки. Крик, способный пересечь футбольное поле.

На пороге заднего крыльца в бликах солнца показалась тонкая мужская фигура, застыла в контражуре. Апрельское солнце так слепило, что лица мужчины было не разглядеть.

– Это наш учитель, Томми. Он все расскажет, – мрачно сказала Айна. – Не забудьте пройти через дезинфектор. Дверь с улицы.

Я кивнула и пошла за угол дома, к фасадной двери. Мужчина в доме – надо проходить через дезинфектор, правила никто не отменял.

Дезинфекционный бокс в доме у Греты и Айны был просторным, под стать саду и дому. Не то что крохотная клетуш-

ка у моего Лео. И я сразу подумала: а в нашу-то квартиру бокс как поместится? Ведь однажды же у нас появится ребенок, не государственный мальчик, а наш собственный ребенок, девочка, а у нее – воспитатель. Вот что нужно рассказывать всем молодым родителям: сколько новых расходов потянет за собой ребенок.

Я отодвинула стеклянную дверь, вступила в дезинфектор прямо в туфлях, как положено. Нашла вешалку, распялила на ней пальто: рукавами врозь. Ввела свой вес, рост и возраст, нажала на кнопку. Подняла руки, расставила ноги, чтобы вся поверхность одежды была обработана. Раздалось шипение, зажглись фиолетовые огни, пошел дым с едким ароматом лимонной травы. (У Лео дезинфектор пахнет иланг-илангом.) Черт, буду теперь весь день вонять этой штукой, зачем только они делают такие сильные отдушки?

Мимо прошла Айна, посмотрела на меня через мутное стекло почти брезгливо, как на таракана в банке, и скрылась в недрах квартиры. Шипение прекратилось, дверь раздвинулась. Я прошла в пустую гостиную, не очень понимая, что мне дальше делать.

Спокойное светлое пространство, большие окна без занавесок, нейтральные серо-бежевые цвета. Типовой диван, два кресла, журнальный столик, полки со старыми книгами, телевизор. Комната безликая, напоминает номер в отеле. Только пианино и расставленные на нем фотографии в рамках что-то могли рассказать про хозяев. На стене картина – мос-

ковская улица, залитая солнцем, по которой гуляют мужчины под ручку с женщинами в легких платьях. Середина XX века, не позже. Я подошла поближе, стала разглядывать фотографии. Смеющиеся Грета и Айна на фоне моря – я так редко видела министра гендерной интеграции с улыбкой на губах. Айна с младенцем. Айна и Грета с двух сторон держат за руки девочку лет четырех. Айна с футбольным кубком в руках – лицо расслабленное, счастливое. Наша Грета,жимающая руку согбенной и сморщенной Грете Тунберг, живой иконе.

– Вы хотите что-нибудь? Воды, чаю, цикория?

Я вздрогнула, обернулась на негромкий бархатный голос – и открыла рот. Передо мной стоял Мужчина Апреля. Том, учитель, 19 лет. Том. Томми. Как будто первоапрельский розыгрыш... Я так растерялась, что не могла вымолвить ни слова, застыла как вкопанная.

– Если можно, воды... – выдавила я наконец.

Томми принес два стакана воды, протянул один мне. Я взяла стакан, сделала два жадных глотка, подавилась, закашлялась.

Томми оказался выше, чем я думала, и куда красивей, чем на черно-белой фотографии из календаря. Глаза, про которые я гадала утром – серые или голубые, – были зелено-желтого цвета. Припухшие и красноватые, как будто он плакал. Но с чего вдруг? Не кролика же он оплакивает? Хотя кто их тут разберет... Мы сели подальше друг от друга: Томми –

в кресло, я – на диван. Мужчины предпочитают держаться от женщин на безопасном расстоянии, если они, конечно, не служат конкубинами.

– Я вас знаю, – зачем-то сказала я. – Видела вас на календаре.

– Теперь его только слепой не знает. – Это уже сказала Айна, неожиданно возникшая в дверях.

Томми быстро стрельнул в Айну глазами, дернул бровью, но промолчал. Эти двое явно друг на друга злятся.

– Вы давно работаете в этом доме? – спросила я Томми.

– Полтора года. Сразу после школы попал сюда.

– То есть вы хорошо знаете семью?

– Можно сказать и так. – Он снова стрельнул зелеными глазами в Айну, которая, опершись о дверной косяк, рассматривала с непроницаемым лицом свои руки.

– Что-нибудь необычное в поведении домашних заметили в последнее время?

– Нет, пожалуй. Разве что Грета нервничала больше, чем обычно. И сильно уставала, работала допоздна, не высыпалась.

Айна, по-прежнему глядя на свои руки, резко спросила:

– А как еще могло быть перед выборами? Как, по-твоему, она должна была себя чувствовать? – Потом повернулась ко мне: – Это разве имеет хоть какое-то отношение к вашему делу? Занимайтесь тем, чем вам положено заниматься, вместо того чтобы лезть в чужую жизнь.

Томми встал:

– Я сварю цикорий, – и вышел из гостиной.

Я заметила, что он чуть заметно прихрамывает. Как странно: где мужчина-учитель мог получить травму? Разве что на пробежке... Айна продолжала стоять, прислонившись к косяку. Мы обе молчали.

Вернулся Томми с подносом, на котором уместились три чашки и тарелка с зерновым печеньем. Как только он вошел в комнату, мысли у меня опять спутались. У него на правой скуле тонкий шрам, на календаре я его не заметила. Или шрам заретушировали? Надо перестать таращиться на этого учителя, а то подумают, что я дурочка, загипнотизированная встречей с живым мужчиной месяца. Как будто никогда не видела знаменитостей. Чтобы отвлечься, я достала телефон, отсканировала печенье и откусила кусочек. Ни Томми, ни Айна ни к чему не притронулись.

Айна вдруг злобно процедила:

– Как вам еда в горло лезет, не понимаю! – и с этими словами исчезла в недрах квартиры.

Томми внимательно посмотрел на меня:

– Простите ее, пожалуйста. Вы, разумеется, ни в чем не виноваты, просто делаете свою работу. Но у нас у всех ужасный день.

Я кивнула. Наверное, это даже хорошо, что семья так убивается из-за пропажи кролика. Если бы все так относились к животным, то моему отделу было бы и вовсе нечего делать.

Но хамить все-таки нельзя ни в каких случаях.

– Скажите, а этот кролик... Вы в курсе обстоятельств его приобретения?

– Но вы, вероятно, и сами знаете, это все должно быть в ваших файлах.

– Меня скорее интересуют эмоциональные обстоятельства. Все, что вы можете рассказать, будет в помощь.

– Насколько сильно здесь хотели этого кролика? Ну... Туяра давно просила домашнего питомца. Она, конечно, мечтала о собаке или кошке, но на них трудно получить разрешение – сами знаете. К тому же Грета считала, что уж если брать живое существо, то – спасти его, помочь. Она вечно всех спасала. – Томми чуть заметно улыбнулся. – Грета сделала заявку в приют для животных – жертв насилия.

Он секунду помолчал.

– Попросила кого-нибудь небольшого: мы же в городе живем. Грызуна. Нам повезло, и месяца не прошло, как в приюте появился этот кролик, нам сразу сообщили. И мы его очень ждали. В приюте кролика назвали Снежок, но Туяра решила переименовать его в Ангела.

Он опять улыбнулся уголком рта:

– Я его сам ездил забирать. Вы когда-нибудь держали в руках животное?

– Конечно.

– А я в первый раз. До этого только собак гладил. До чего необычное ощущение! Я впервые понял, почему животные

так полезны для человеческой психики. Они одновременно волнуют и успокаивают.

– В файле сказано, что курс по адаптации животного прослушали только вы и Туяра.

– Это кролик Туяры. А я – учитель. – Он пожал плечами. – Я хотел поддержать ее интерес.

– Другие взрослые не собирались им заниматься?

– Грета хотела, чтобы Туяра привыкала к ответственности.

– Или у нее просто не было времени заниматься кроликом?

Томми изучал мое лицо:

– Может быть. Но ведь ваше требование мы выполнили: двух опекунов достаточно.

Я кивнула:

– Я бы хотела увидеть компьютер, на который скачивали записи с зоокамеры.

Томми глянул на меня вопросительно.

– С камеры кролика, – уточнила я.

– Я понял. Просто думал, вы сами знаете. Его забрала полиция.

Теперь уже вытаращилась я:

– В смысле? Полиция?

– Компьютер Греты. – Томми провел по лицу ладонями, задержал их, закрыв нос и рот, и выглянул точно из-за щита.

Я растерялась:

– Я, видимо, вас неправильно поняла. Запись с камеры кролика шла на компьютер Греты? Почему? Мне казалось, Туяра все это затеяла.

– Грете, наверное, тоже стало интересно, как он там живет. Мы все редко видим животных вблизи.

Я была совершенно сбита с толку:

– Почему компьютер забрала полиция? Когда? Могу я поговорить с Гретой?

Руки Томми опустились. Взгляд был странным.

– Она дома?

Томми ответил не сразу, голос звучал глухо:

– Она умерла. Грета. Покончила с собой. Ее увезли утром.

Я открыла рот. Как? Как такое может быть? Я только сегодня за завтраком видела теледебаты Греты с премьер-министром...

– Официально еще не объявлено.

Ясно. Значит, дебаты шли в записи. Но мне-то почему никто ничего не сказал? Не предупредил? Ведь здесь уже побывала полиция, когда Оксана отправила меня расследовать дело о пропавшем кролике. Я вспомнила расстегнутое пальто Лены... Так вот где она была! Здесь?! И тоже не сказала ничего. Просто не успела.

– Господи, какой кошмар! Простите меня, пожалуйста. Я ничего не знала, честное слово. Я бы никогда...

– Это вы нас простите, надо было сразу вам сказать. Но кто мог догадаться, что вы не в курсе? Вы же тоже из поли-

ции.

Из-за закрытой двери до нас донеслись голоса, мать и дочь явно ссорились. Туяра кричала, Айна как будто старалась подавить вспышку дочери.

– Куда ее увезли?... – спрашивала Туяра.

– ...мы все сделаем. Грета хотела, чтобы ее прах развеяли над Балтийским морем.

Томми и я умолкли. Я видела, что Томми стало неловко: он был бы рад дать знать Айне и Туяре, что я их слышу, но не мог этого сделать. Мы оба невольно слушали.

– Что ты несешь? Какое море?

– Она из Питера.

– Она ненавидела похороны! И вот это все!

– Туяра!

– Ты ничего не знаешь про нее! Ты только о себе всегда думаешь.

– Туяра, прекрати.

– Да она над этим всем смеялась! Она хотела, чтобы ее пепел спустили в унитаз.

Томми кашлянул смущенно.

Туяра за дверью вопила:

– Никто из вас ее не понимал! Она вам лапшу на уши вешала! А вы все только этого и хотели.

Я встала:

– Примите, пожалуйста, мои соболезнования. И извинения. Я не знала о вашей потере.

– Томми! – раздался вопль Айны.

– Простите. – Томми встал с кресла и вышел из гостиной, прикрыв за собой дверь.

Голоса звучали приглушенно, но говорили явно на повышенных тонах. Я разобрала только голос Айны.

– Занимайся своими прямыми обязанностями!

Я встала, приоткрыла дверь, постучала согнутым пальцем о косяк. Томми и Айна обернулись.

– Мои соболезнования, Айна, – сказала я. – Извините меня за бестактность, но я, честное слово, ничего не знала. Позвольте перенести наш разговор. Пусть все немного успокоится.

– Успокоится? – усмехнулась Айна. – Ну-ну... Ладно. То же извините. Завтра поговорим, – буркнула она.

Туяра была красная, заплаканная. Томми положил ей руку на плечо, но она ее сбросила, почти оттолкнув его.

– Спасибо за все, мне пора, – промямлила я и попятилась к двери.

– Найдите моего кролика! Слышите! Хоть что-то вы можете сделать? – крикнула мне Туяра и хлопнула дверью в свою комнату.

Айна пошла за ней. Томми проводил меня в прихожую, подал пальто. Я сначала не поняла, что он собирается помочь мне его надеть. Мужчины редко подходят близко к женщинам. Дезинфекция дезинфекцией, но береженого бог бережет – сказывается инстинкт самосохранения. Я давно не

приближалась ни к какому мужчине, кроме Лео. Наверное, поэтому мне было не по себе и коленки слегка тряслись. Надевая пальто, я повернулась к Томми спиной, и мне вдруг стало стыдно, что я уже несколько дней не мыла голову. Я чувствовала его теплое дыхание на затылке. Дверь поплыла перед глазами, а по шее побежали мурашки. Я увидела над дверью большой обшарпанный бубен, ткнула в него пальцем, чтобы отвлечься от ощущения физической близости Томми:

– Это что за штука?

– Это якутский шаманский бубен. Достался Айне от бабки.

– А почему он тут висит?

– Такая примета. Айна верит, что он излечивает болезни.

Я повернулась, посмотрела снизу вверх ему в глаза, перевела взгляд на его губы. Я видела эти губы в своем утреннем сне. Его губы и его глаза. Или я просто вспоминаю фото с календаря?

– Это ведь ерунда, – проговорила я.

– Да.

– Дурацкое суеверие.

– Да.

– До свидания. Вот мой телефон, если что-то еще вспомните. Про кролика...

– До свидания.

Я открыла дверь.

– Ариадна... вас ведь так зовут?

– Да.

– Вы шарф забыли.

Я взяла шарф из рук Томми. Он внимательно и грустно смотрел на меня.

– Грета не покончила с собой. Я это точно знаю.

– Что?

Томми захлопнул дверь. Как будто юркнул обратно в нору.

17.15

Соседями Греты, как я и полагала, оказались три обезьянки: ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу.

Не факт, что они при этом ввали. Кому нужно врать про кролика?

Беспокоило меня другое. Я даже отправилась туда сама, на Цветной. Угол Цветного и Садового, точнее. Постояла. Куда отсюда мог деться кролик? Потому что GPS-показания с его чипа оборвались здесь. Я взглянула на бульвар. На детей, которые, крича, играли во что-то, понятное только им. Посмотрела на Садовое, над которым постоянно висело шелестящее облако звука множества велосипедных шин, катящихся в обе стороны. Не провалился же кролик в нору из книжки Льюиса Кэрролла? У меня под ногами был только люк канализации да поодаль сливное отверстие, забранное

решеткой. Я присела на корточки, осмотрелась: люк давно уже не тревожили. Да и решетку, похоже, тоже. Или искусно замели следы? Ради кролика? Я все же сфотографировала номера и люка, и решетки.

– Тетя, а что вы делаете? – раздалось за спиной.

Я обернулась. Дети заинтересованно заглянули через мое плечо. На лице девочки поменьше появилась гримаска разочарования. На лице девочки постарше – подозрения.

– Ищу кролика, – честно ответила я.

Дети замечают гораздо больше, чем взрослые. Особенно то, что касается животных.

– Вы, случайно, не играли здесь вчера?

– А какого он цвета? – спросила младшая.

– Позвоните в полицию, – посоветовала старшая.

– Видно, придется.

Я встала, потерла занемевшие колени и, вынув телефон, отправила заявку в Водоканал: необходимо открыть люк, решетку и осмотреть коммуникации. Бросила взгляд назад: дети все так же подозрительно смотрели на меня.

Нет, они бы заметили. Телефон у меня в руках загудел. Звонила Ника.

– А, черт! – Я не стала отвечать, и так было ясно, почему она звонит: я опаздывала.

Вообще-то к приходу гостей можно и опоздать, но только не тогда, когда званы Вера с Машей.

Перед ними мы всегда должны представлять идеальными.

– Все хорошо?

Ника уже яркими кучками разложила на столе продукты, заказанные по списку Гастро-Марка. Она уложила волосы, подвела глаза и губы, влезла в свое любимое голубое облегчающее платье из блестящего шелка с тонким черным пояском.

– Это ради меня? – обрадовалась я. Приятно было видеть ее собранной и оживленной.

– Вот и нет!

– Для встречи с гастро-прекрасным?

Ника фыркнула, не поднимая головы от разложенных овощей:

– Переоденься! Они вот-вот придут.

В спальне я села на кровать и уставилась на шкаф. Не хотелось его открывать. Не хотелось переодеваться. Вот бы отсидеться здесь.

Как все-таки странно, что Мужчина Апреля живет у Греты.

И что из дома Греты кролик пропал в тот же день, когда она покончила с собой.

Я не люблю совпадений. От них у меня портится настроение. Они меня тревожат. Потому что они редко оказываются просто совпадениями. А если и оказываются, то... Да к

черту их!

– Как на работе? – возникла в дверях Ника, показывая, что у нас все общее: и жизнь, и интересы.

– Нормально.

Ника открыла было рот, но в этот момент заиграли позывные Гастро-Марка – тема из Седьмой симфонии Бетховена, которую он исполнял ложками на кастрюлях. Нику как ветром сдуло. Я услышала в кухне ее веселое: «Там тара-там там, там, тара-там, там, там, тара-там там, там тара-рам!»

А потом:

– Ади? Идешь? Ади!

Не отстанет же.

– Иду!

Я влезла в первое, что подвернулось под руку. И вошла на кухню, когда с экрана заорал оживленный парень с рыжими лохмами:

– Привет, девочки!

Девочек сейчас было несколько миллионов. И Марк тут же сделал вид, что листает свои записи на кухонном столе:

– Так, сегодня ничего кулинарно-революционного не предлагаю. Надеюсь, все вы приготовили на столах продукты по списку, который я дал в прошлый раз...

– Приготовили!

Ника смотрела на экран, как маргышка на змею. Настолько загипнотизированная, что даже начала с ним разговаривать. Ну, дела. На рукаве у нее было сальное пятно, а само

платье явно было маловато в бедрах – сказывались Никины нервные перекусы.

Я вытащила передник из кухонного шкафа:

– Надень, а то платье совсем заляпаешь, – и внутренне одернула себя за это брюзгливое «совсем».

Но Ника, впившись в экран, не услышала. Глаза ее сияли. И были устремлены на повара. Он схватил со стола и с хрустом откусил яблоко, оно так и осталось торчать во рту. Как у поросенка из старинной поваренной книги.

Марк редко готовил что-то сложное. Обычно его блюда были легкими, воздушными, малокалорийными и доступными даже таким нетерпеливым кулинаркам, как Ника. Секрет Гастро-Марка – в том шоу, который он устраивал из каждого своего онлайн-урока. Марк пел отрывки из оперных арий и эстрадных хитов, жонглировал яблоками, кружился, как дервиш, танцевал чарльстон, отпускал политические шуточки и кокетничал со своими зачарованными зрительницами. Многие включали Гастро-Марка, даже если не собирались готовить, просто чтобы развлечься и посмеяться. Это шоу было со всех сторон неполиткорректным. То, что говорил Марк. Как говорил. Какую музыку включал: сплошь написанную привилегированными мужчинами, к тому же давно умершими. Но именно потому всем оно нравилось. На самом-то деле это был стендап. Своим сногсшибательным обаянием Марк привлекал многомиллионную аудиторию. Думаю, и гонорары его были под стать. Трижды у него в про-

граммах появлялась Грета – она ценила Марка. А еще больше – возможность с экрана сказать миллионам избирательниц: вот чего может добиться в обществе мужчина, если у него есть талант, цель и упорство. (Лена бы сейчас добавила: «Если его хочется разложить, как курицу, и трахнуть прямо на этом столе!») Для Ники – и, наверное, еще для сотен тысяч женщин – уроки рыжего веснушчатого Марка были праздником, счастливым оргиастическим актом. Танцем вакханок вокруг... кого они там потом разорвали на куски?

– Пишите в чат, если у кого-то что-то не получается. Прямо на ходу помогу, расскажу, ну и так далее. Можете и звонить, но всем ответить не смогу, к сожалению, но номер телефона – вот он, внизу, бегущей строкой.

Ника сразу поставила свой телефон на автодозвон.

– Да ладно, все получится, – сказала я.

Но она лишь бросила на меня невидящий ошалелый взгляд, возбужденная и даже немного уже вспотевшая.

Наши лучшие вечера проходят именно под кулинарные фейерверки Марка. Последний раз мы занимались с ней любовью после класса Марка, где он сооружал ретроужин с борщом и котлетами по-киевски из овощной курятины. Вслед за Марком мы малиновой свеклой красили себе щеки и губы, сражались корявыми котлетами, держа их за деревянные косточки, и слизывали кокосовые сливки друг у друга с губ. Закончили ужин в постели и потом еще долго, обнявшись, обсуждали, какая красивая у нас родится дочь, как мы пове-

зем ее на море и как Ника станет знаменитым модным дизайнером. Вроде это было совсем недавно, а кажется, что давным-давно.

– Что готовим сегодня? – Я постаралась изобразить энтузиазм, чтобы соответствовать Нике, покрасневшейся в предвкушении очередной порции счастья от Марка.

– Спагетти с мятными цуккини и тофу, соевые гребешки с ванильным соусом и мандариново-фисташковый торт на миндальной муке.

– М-м-м. Насчет ванильных гребешков не уверена, а остальное звучит хорошо.

Сегодня Гастро-Марк задал такой ритм, как будто мы не готовкой занимались, а аэробикой. Я только успевала подавать Нике ножи и пряности, ставить кастрюли и сковородки на плиту, делать вслед за Марком приседания и пытаться взять верхние ноты в свистковом регистре. И чувствовала себя третьей лишней в любовном треугольнике, ей-богу. Но, может, это и неплохо. Приходилось орудовать так быстро, что не оставалось и секунды на раздумья о том, что меня беспокоило по-настоящему. И о Томми, его теплом дыхании на моем затылке.

– А ну-ка, девочки! Не расслабляемся! – подстегивал Марк, вымешивая миндальное тесто и подмигивая с экрана.

Мы все успели до прихода гостей: булькала в кастрюле вода для пасты, зеленый соус выглядел свежим и шелковистым, торт доходил в духовке до кондиции, а золотистые гре-

бешки скворчали на сковородке, благоухая ванилью. Марк все-таки – большой талант. Рецепты проще простого, ребенок справится, но после готовки всегда остается чувство, что и ты тоже талант, раз у тебя так легко и красиво все получилось.

Когда Марк уже начал прощаться, телефон Ники загудел длинными гудками. На экране Марк с хитрым видом поднял указательный палец:

– Секундочку...

Ника схватила телефон.

– Что у вас не получилось, дорогуша? – промурлыкал ей на всю страну любимец вакханок.

– А-а-а-а! Я вас обожаю! Обожаю! Обожаю! – заверещала Ника в трубку.

– Я вас тоже обожаю, вы душка. Я всех вас обожаю!

Ника отвалилась от телефона, как пьяная. Марк послал всем воздушный поцелуй и пообещал вернуться через день с волшебным японским меню.

– Только не переусердствуйте с тортом, девчата! Не хочу, чтобы из-за меня вы потеряли баллы. Лучше поделитесь со своими конкубинами, учителями, рабочими и уборщиками. Им терять нечего, кроме собственных цепей, верно?

«Ничего себе, – подумала я. – Как ему позволяют все вот это говорить?»

– Не забывайте о тех, кому не так сладко живется, как нам с вами! И до скорой встречи, лапушки мои! Сладких снов!

Вот он, типичный Марк, большое гастрономическое сердце. Вроде все шутки и веселье, но никогда не забудет аккуратно вернуть что-нибудь про права мужчин. Я, конечно, отнесу завтра кусок мандаринового торта Лео. Уборщика у нас нет – дорого, хлопотно, чужой человек в доме, надо оборудовать дезинфектор и все такое. Справляемся сами. А учителя заведем, когда появится дочка. Теперь неясно когда. Я вдруг представила, что нашим учителем мог бы стать Томми, и я бы видела его каждый день. Такой вечный апрель. Вечная весна, как у Огюста Родена.

Интересно, радовало бы это меня – или выбивало бы из колеи?

Я, как могла, ликвидировала кухонный пейзаж после битвы, достала гостевые тарелки и приборы, свернула льняные салфетки. Я разливала по кувшинам клюквенный и облепиховый морс, когда зазвенел звонок, Ника метнулась в прихожую, и оттуда донеслись обычные в таких случаях возгласы и звуки поцелуев.

Вера и Маша вошли, я тоже издала положенные возгласы, поцеловала каждую, ощутила на щеках сухие губы Маши и жирно покрашенные – Веры.

– Проходите. – Ника широким жестом обвела стол. – Надеюсь, все голодные.

Я уж точно.

Поймала себя на том, что – то ли от голода, то ли от усталости – взгляд у меня стекленеет, реплики становятся все бо-

лее редкими, а общий разговор сливается в какой-то неразличимый звон, так что мне все труднее имитировать интерес.

К счастью, им было не до меня.

Говорили о театре. Вера любой разговор умеет перевести на театр. А оттуда – и на себя, любимую.

– А как пьеса называется, ты сказала?

– «Трамвай „Желание“». Играю Бланш Дюбуа.

– Это же женская роль? Мы ее в школе проходили – классическая пьеса про мужское скотское эго, которое раздавило хрупкую женщину.

– У нас будет по-другому – современная трактовка. У нас Бланш будет мужчиной. Уверена, что Теннесси Уильямс так бы и написал, если б мог. Все сразу встает на свои места. Бланш на самом деле тянет к Стенли, его к ней, а Стеллу к нему – и никто не счастлив.

Вера – школьная подруга Ники, ее первая любовь, первая страсть, первый секс. Я знаю, как они впервые поцеловались в школьной раздевалке перед уроком физкультуры, как обе в знак близости покрасили волосы в розовый цвет, как мечтали стать актрисами, сниматься в телесериалах, ездить каждый год на море, родить двух девочек. В итоге у Веры получилось все, а у Ники – ничего. К тому же Нике досталась я, которая не умеет сделать ее счастливой.

Правда, телезвездой Вера не стала, но зато играет в театре классической пьесы, где получила статус национального та-

ланта. Это значит, что стабильный пожизненный доход и высокая пенсия ей обеспечены. Темперамент у Веры артистический, но голова на месте: в партнерши Вера выбрала уравновешенную Машу – успешного математика, полную противоположность Нике. У них две девочки-двойняшки. Они уже четыре раза съездили в отпуск на Лазурный Берег и в Испанию, а потом бесконечно терзали нас солнечными видео на морском берегу. Как только им удалось набрать столько карбоновых миль? Мы и на Крым еще ни разу не набрали... Впрочем, в их семье – две хорошие зарплаты. А у нас – моя да базовый доход Ники. Иногда я тоже бываю мелочной и завистливой.

Впрочем, нет, я не завидую. Ни Вера, ни Маша с их требовательностью ко всему – людям, отпуску, еде, одежде – не позволили бы мне оставаться самой собой, слегка занудной, слегка скучной, не слишком талантливой. А Ника позволяет. Так что чего уж...

– Опять любовь мужиков и к мужикам? И не надоело всем ходить на пьесы, которые давно не имеют никакого отношения к реальности? Какой-то театр кабуки или китайская опера... – Нике непременно надо было принизить любые достижения Веры. Или хотя бы сделать вид, что ей наплевать.

– На кабуки и на китайскую оперу до сих пор ходят в Японии и Китае, – примирительно сказала Маша. – Конечно, теперь, когда женщины играют, это не то.

– А балет?

– Любая физически сильная женщина справится не хуже.

– Во-первых, женщины лучше играют мужчин, чем мужчины – женщин, – возразила Вера. – Это научный факт, у мужчин нет такого уровня эмпатии, как у нас. А во-вторых, мир изменился, а человеческие чувства – нет. Уверена, что люди продолжают влюбляться – так же как и всегда. В мужчин и в женщин. Ника, у тебя пятно на платье, вот тут, ты видела?

А я увидела, как Маша проглотила зевок. Даже слезы выступили. Вот вам и Вера. Покажите мне счастливую семью. И я покажу вам, кто там кому до смерти надоел.

Мне завидно. И я ревную. «Ревную?» – спросила я себя.

Вера пришла в красивом, мужского кроя костюме бордового цвета. В театре она играет мужские роли, поэтому и в жизни все явственнее обретает мужские повадки, даже голос стал ниже. «Скоро у нее борода начнет расти», – зло шутит Ника. Но выглядит Вера шикарно – и мужские вещи ей идут. Вера – отличная актриса, два месяца назад мы были на премьере «Ромео и Джульетты», где она так читала монолог Ромео, что я потом несколько дней про себя повторяла:

Что есть любовь? Безумье от угара.

Игра огнем, ведущая к пожару...

Когда мы с Никой потом пешком шли из театра, держась за руки и обсуждая спектакль, я думала, что никогда такого

безумия от угара не испытывала, никогда. Даже в самом начале наших с Никой отношений. Вот с Верой, очевидно, у них была сплошная игра огнем. Но на таком накале жизнь не построишь, сгоришь, как мотылек.

– Есть новости про ребенка? – спросила Вера, сканируя гребешки.

Они были в курсе наших родительских планов.

Мы с Никой переглянулись. Я не знала, стоит ли сейчас говорить про повестку на мальчика. Любому другому я бы запросто рассказала, но сообщать безупречной Вере о еще одном Никином фиаско...

Ника неожиданно спокойно ответила:

– Новости есть. У нас будет мальчик. Стану заслуженной матрешкой.

– Черт, мне так жаль, Ника!

– Не надо меня жалеть, у нас куча планов. Знаешь, сколько всего можно сделать на Y-пособие? Это четырнадцатая категория, между прочим.

– Ого, – вежливо сказала Маша. – Жаль, нам уже поздно. «Всех денег не заработаешь», – недобро подумала я.

Маша сочувственно покачала головой:

– Все-таки наша премьер права, когда выступает за искусственную матку. Девочек, конечно, должны вынашивать женщины, это естественно. Но мальчики – совсем другая история. Вынашивать мальчика девять месяцев, питать его своей кровью, слушать его сердцебиение, ощущать, как он

толкается, рожать его в муках, а потом немедленно отдавать, никогда больше не знать и не видеть? Разве это нормально для гуманного общества? Конечно, есть реабилитация с психологом, но такую травму все равно полностью не снять... Странно, что Грета так выступает против искусственной матки, она же сама отдала государству долг, родила мальчика, знает, каково это...

– А я за Грету, – возразила Вера. – Гуманизм, который рассчитан только на женщин, – это не гуманизм.

– Но ее политическая позиция...

– Грета – за интересы мужчин, и это прежде всего гуманная позиция.

Ника сощурилась, но улыбнулась и сладко сказала:

– Верка, ты просто уже столько мужиков переиграла, что это затуманивает твой здравый смысл.

– В чем же он, по-твоему?

– Мужчины уже однажды чуть не привели мир к катастрофе, – с преувеличенной небрежностью махнула рукой Ника и положила себе еще один кусок торта. – Пошли они на фиг! Так им и надо! – Она поймала мой взгляд на своей тарелке. – Что? Мне нужно есть за двоих.

– Ты еще даже и не беременная...

– Я готовлюсь!

– Я с тобой согласна, – вступила рассудительная Маша.

– Вот! – победно ткнула в ее сторону ложечкой Ника.

– Нет-нет, я не про еду. Вы видели, что сегодня устроили

все эти календарные мальчики?

– Ой, не надо только опять про «не секс-игрушки». Умоляю...

Тут уж проснулась даже я и наш стол загалдел в четыре голоса.

Календарная заварушка началась недавно и внезапно. Все календари последнего времени снимала Рената. Фотограф-знаменитость. Лучшая из лучших. Что и понятно – такой любимый народом жанр требует выдающегося мастера. И все шло хорошо. Пока в один прекрасный день в «Московских ведомостях» не вышла передовица: «Я – не секс-игрушка».

Теперь заголовок стал тегом. Надписью на футболке. Стикером. Плакатом.

Короче говоря, оказалось, что все эти годы Рената либо лапала, либо трахала, либо лапала и трахала почти всех этих мужчин мечты: январей, февралей, августов. Если бы на календари снимали, как раньше, только конкубинов, то скандал бы удалось замять. В конце концов секс с женщинами для конкубинов – это профессия. Но года три назад Грета пробила в общественном сознании огромную брешь: для календарей стали снимать уборщиков, рабочих, учителей, которым туда раньше не светило попасть ни под каким соусом. Мол, каждый мужчина должен иметь шанс. Ведь для модели календарь – это не просто его лицо (о'кей, лицо и задница) на каждой поверхности. Это пенсионные баллы. Это воз-

возможность сделать карьеру в онлайн-шоу-бизнесе. Вот Марк, например. Четыре года назад он был уборщик и мистер Февраль. А сейчас он бог. Дионис. Возможно, Рената и его трахнула. Но он молчал.

И другие молчали.

И молчали бы все. Но один из них пожаловался в своем блоге, другой рассказал своему психотерапевту, вышла огромная статья, завертелся флешмоб #янесексигрушка – и пошло-поехало! Самые продвинутые гражданки постили на своих аккаунтах желтые треугольники (в цвет мужских защитных костюмов) в знак солидарности с жертвами. Рената бесконечно повсюду извинялась, хотя очень многие были на ее стороне. Но таков дух времени: мужчина – полноценный человек. Сколько можно его проклинать за преступления вековой давности?

Мы напрасно старались перекрычать друг друга.

– Нет, ну правда, Грета дошла до абсурда, – говорила Маша на не свойственных ей повышенных тонах. – Раньше такого быть не могло.

– Да? – хорошо поставленным голосом возмущалась Вера. – Ну, давайте теперь про каждого мужика в обтягивающих штанах скажем: он сам виноват! Так?

– Да они радоваться должны! – вопила Ника, широко жестикулируя. – Такая яркая женщина на них внимание обратила! Рената – лучшее, что могло с этими убогими случиться. А теперь они все трясут трусами и ноют. Обидели их!

– Они сами ее провоцировали! – Это опять Маша. – Я уверена. Я же ни на кого не кидаюсь. Сами вертели задницами. Сами ее завлекали. Это же ясно! Все знают, какие дивиденды они с этого получали.

– Они это делали ради карьеры! На веревке их никто к ней не тянул! Они сами на нее вешались!

Мужчину Апреля снимала уже не Рената, а молодая фотограф, которая пообещала моделям не раздевать, обращаться с ними уважительно. А Томми... Интересно, он... Впрочем, мне-то какое дело?

– Кстати, как вам новый Мужчина Апреля? – спросила Вера. – Мне понравился, необычный такой. Небанальный. Сил уже нет смотреть на все это накачанное мясо. И фотография – супер. По мне, так лучше Ренатиных, помоднее, поострее. Глаза у него красивые такие, махровые. «Твой взгляд опасней двадцати кинжалов». Интересно, какого цвета глаза?

– Зеленые, – зачем-то ляпнула я, и все на меня уставились. Я покраснела. – Мне так кажется.

2.50

Когда я наконец оторвалась от ноутбука, было почти три часа ночи. От темной тишины квартиры звенело в ушах. А может, от усталости. Я устала от гостей, от Ники, от застольных перепалок, от того, что надо было держать в себе все, что произошло сегодня. Возможно, семья – это и правда обуза,

особенно если ты любишь свою работу. Взять ту же Лену. Ника не упустит случая обозвать ее сукой и карьеристкой (их антипатия взаимна). Но наши с Леной пути разошлись сразу после академии, это же ясно. В более престижном отделе самоубийств Лена пошла вверх, а я так и осталась младшим следователем. Лене особенно ничего и не нужно делать, чтобы, как Ника выражается, меня подсидеть, обскакать, задвинуть. Я сама – отвалюсь, отстану, заторможу. Светлый ум Лены, свободный от семейных забот, сосредоточен на работе ну и – самую малость – на очередной «совершенно очаровательной заднице». А мой – бежит во все стороны сразу.

Так, не бежать. Вернуться к главному.

Кролик.

Я посидела над закрытым компом, глаза привыкли к темноте.

Что я знаю наверняка? Судя по проделанной в сетке дыре, он не просто сбежал.

Ему помогли сбежать. Или украли.

Или все-таки он сбежал сам? Но тогда кто забрал камеру? Домашние животные редко убегают.

Они не любят нового. Животные привязаны к своему ареалу. Они территориальны. В нормальной ситуации кролик убежал бы не дальше соседского сада. Потом территориальный инстинкт взял бы свое. Но в садах у соседей я его не нашла.

Версия первая. Кролик убежал далеко. А убегают далеко

только в панике. От смертельной опасности.

Версия вторая. Его украли. Но статистика однозначна: никто не крадет животных для себя. Крадут ради идеи: есть такие рыцари зоозащиты, которые считают, что этим спасают животное от худшей участи – от жизни с людьми. Возвращают природе.

Что общего у этих двух версий? Дом. Семья. Люди, которые обращались с животным жестоко. Но не факт.

То есть Айна, Туяра, Грета. И Томми.

Неужели?... Но здесь приходится признать: даже приличные с виду люди, даже столпы общества способны на самое дурное, если их жертва лишена дара речи.

Итак, Айна, Туяра, Грета. И Томми.

Я ведь думала, часа хватит на все про все. Пробежаться по профилям Греты и Аины в соцсетях. Просмотреть фотографии, особенно совместные. Семейную хронику. Вернее, хронику того, что еще вчера было семьей.

Но меня затянуло.

Сначала я нашла информацию про беременность Греты. Она началась повесткой, и в восемнадцать лет Грета отдала долг стране: родила мальчика. Тогда она была в паре с лидером оппозиционной политической партии. Партнерша вскоре ушла, а увлечение политикой осталось. Партнерша была намного старше Греты, и союз, видимо, не выдержал испытания рождением мальчика – никакая психологическая реабилитация не помогла. Через год в жизни Греты появи-

лась Айна, которая оказалась еще более незаурядной фигурой, чем я полагала. Нападающая в основном составе «Артемиды», одного из главных клубов страны. В финале чемпионата России по футболу половина трибун затянута красно-белыми баннерами «Артемиды». А другая половина – бело-голубыми питерской «Авроры». Оба клуба старые, оба со славной историей, которая уходит корнями в эпоху до Большого Поворота. Моя бабушка по привычке называет «Артемиду» «Спартак». Ну, не только по привычке, конечно: привыкнуть можно к любому новому, тем более к такому новому, которое теперь уже тоже старое. Бабушке просто нравится бесить людей. Кстати, мне пора навестить бабулю... Когда только все успеть?

Скажу завтра Лене, что я познакомилась с Айной, упадет со стула, привычно подумала я – и тут же осеклась. Да ведь Лена была в доме Греты – ровно перед тем, как там появилась я! Лена приходила туда как ведущий следователь отдела самоубийств. То-то она и в столовую прибежала, не успев снять пальто. И Лена ничего мне не сказала... Нет-нет, ничего странного, успокоила я себя: откуда Лене было знать, что меня вызовут по поводу кролика в тот же дом! Совпадение. Все в порядке.

Я схватила телефон, чтобы написать Лене эсэмэс. Рассказать, что... И задумалась: а что рассказывать? Кролик – не ее дело. Точно так же, как самоубийство Греты – не мое. Я бросила телефон на стол.

Тучи ссылок. Сотни статей. Тысячи фотографий. Интервью. Вот так я и зависла до трех утра. Нашла кучу желтых статеек, где перетирали отношения Греты и Айны. Спекуляции по поводу романа Айны с футболисткой из ее же клуба, но никаких доказательств, кроме нескольких вполне дружеских фотографий. А еще предыдущий учитель Туяры рассказал журналистам, что у Греты и Айны – отдельные спальни. Ну и подумашь! Это ничего не доказывает. Многие пары предпочитают спать отдельно, если жилплощадь позволяет... Я бы и сама...

Потом я еще полезла читать, что люди пишут про нового Мужчину Апреля: мне же по Томми тоже надо собирать информацию, он официальный опекун кролика! Женские мнения разошлись: пятьдесят на пятьдесят. Когда его обзывали («худосочный обсосок!»), мне хотелось немедленно вступить и защитить Томми. Но когда по нему пускали слюнки («мурзик какой!»), я бесилась еще больше. И вообще мне пора спать.

Поплелась в ванную. Не включая свет, почистила зубы – света хватало и из окна. Я удивилась: почему снаружи горит фонарь? Еще не хватало просадить все, что накоплено батареей за день, – дни пока еще слишком короткие, солнца маловато. Выглянула со щеткой в руке. Да так и осталась стоять. Это был не фонарь. Луна. В ясном темном небе она казалась прорезанным отверстием. Зрелище меня заворожило. Уходить не хотелось. Я стояла и смотрела на луну, в голове

было пусто. Встряхнулась, сбрасывая оцепенение, закрыла окно и поставила щетку на место.

В спальне было темно по-настоящему. Штора опущена. Слышно, как шумно дышит Ника.

А у Греты с Айной отдельные спальни.

Интересно, давно они не спят вместе? И почему не спят? То есть почему не спали...

Мне вдруг страстно захотелось, чтобы в моей спальне сейчас было тихо. Чтобы это была только моя спальня.

Я прогнала эту нелепую мысль (ведь я же не хочу этого на самом деле? Нет же!). Мне просто завтра рано вставать: надо работать над отчетом, выяснить в лаборатории все, что касается экскрементов кролика. Голодал он или нет. Болел или нет. Хватало ли ему воды в последнее время. Потом буду допрашивать новых свидетелей. Обвинение в жестоком обращении с животными – серьезная вещь. Поговорить придется со всеми, кто может рассказать что-то об Айне, Туяре, Грете. И Томми... Пусть Ника поспит утром, ей-то рано вставать зачем?

Я тихо сгребла свое одеяло. Схватила подушку за уголок. На цыпочках вышла в гостиную.

Вытянулась на диване, закрыла глаза. Передо мной сразу же всплыло лицо Апреля. Сначала оно было черно-белым, как на календаре, затем обрело объем и краски: глаза позеленели, губы порозовели и прикоснулись к моим. Я уже качалась на волнах подступающего сна, но усилием воли села,

нащупала телефон и отправила Лене эсэмэс: «Из дома Греты пропал кролик. Ты что-то об этом знаешь?» И только тогда смогла уснуть.

Глава вторая: Вторник

8.05

– Ади! Ади!

Я перевернулась, увидела перед собой искаженное гримасой мужское лицо (Лео?), испугалась, поняла, что это Ника – в пижаме, с телефоном в руке, – и только тогда сообразила, где я. В гостиной, на диване, и сейчас начнется сцена: почему я на диване, что это значит и так далее. Взгляд у Ники был требовательный.

– С нас хотят еще одного мальчика? – попробовала пошутить я.

Голова квадратная, мозг плоский, сон не дает разомкнуть глаза; хочется упасть обратно и накрыться одеялом. Но в окне никакой надежды на это: утро.

Ника села на край дивана. Сунула мне свой телефон:

– Видела? Офигеть.

Это была лента фейсбука. Причем Никина.

Вся полная *RIP*, эмодзи со слезой и фотографий Греты.

– Прикинь? С ума сойти! – Ника мотала пальцем ленту. В глазах ее отражались мелькающие фото Греты. – Пишут, что она отравилась собственным снотворным.

– Да уж.

– Я всегда говорила: врачи выписывают колеса, как попалю. Чуть пожалуешься на сон, тебе сразу – рецепт. Это ненормально. И вот. Пожалуйста.

Я сделала вид, что узнала о самоубийстве Греты только что:

– Ничего себе!

– Наверняка поручат твоей подружке Лене. – Голос Ники был окрашен слегка кровожадным любопытством. Ее интересовали подробности, которые не сольют в ленту новостей.

– Наверняка. – Я смахнула одеяло. Схватила свой телефон. Ни звонка, ни сообщений. Ни от Лены. Ни от кого. Странно.

– Интересно, почему она это сделала? Семья, ребенок остался. Охренеть, конечно. Даже ребенок не удержал.

Я открыла лэптоп. Новости были все об одном, но я застала самый свежий хвост:

В связи с кончиной Греты Светлановской премьер-министр объявила национальный траур.

Ника подошла сзади, встала совсем рядом. Я чувствовала ее дыхание на своей шее – на мгновение вспомнила, как вчера мне так же дышал в шею Томми, только ощущения были совсем другие.

Я отклонилась:

– Не дуй мне в ухо, пожалуйста.

На экране вещала премьер-министр. Судя по количеству

микрофонов перед ней и по черной броши на лацкане строго черного пиджака, пресс-конференция была подготовлена заранее и не застала премьер-министра врасплох.

Я набрала номер своего шефа Оксаны. Слушала одновременно гудки и премьер-министра.

– Можно только гадать, что подтолкнуло к такому решению человека, облеченного нашим доверием, доверием избирателей...

Я, кажется, поняла, куда она клонит. Даже мертвая, Грета была ее главной политической соперницей. Время почестей скоро придет. А пока – время вбить осиновый кол в поверженного врага:

– ...разочарование в собственных утопических идеях или нечто другое, что повлекло жизненный кризис. Все выяснится, идет следствие. Сейчас же мы просим вас проявить чуткость к родным ушедшей и помнить, что им сейчас нелегко. Спасибо.

– Ну, – ответила Оксана.

– И? – в тон ответила я.

Оксана хмыкнула:

– Мне это нравится не больше, чем тебе. Два дела в одном доме. Думаю, самая правильная линия – сообщать коллегам о своих находках по делу кролика.

– Ангела.

– Что?

– Его звали Ангелом.

– О'кей. В общем, с нашей стороны самое главное – делиться информацией, они сами решат, как ее использовать. Или не использовать.

Осторожность – главное карьерное качество Оксаны. Умеренность и осторожность. Особенно когда в деле о возможном жестоком обращении с личностью, не являющейся человеком, замешан политик. Пусть и мертвый.

Мы обе знаем: ситуацию обострили выборы. Все лево-умеренное парламентское крыло сейчас трясет: кого выдвинуть вместо покойной? Центристы раздумывают, не пора ли покинуть коалицию. В напряжении и консерваторы: кто станет соперницей действующего премьер-министра?

– ...для нас это все равно ничего не меняет, – сказала Оксана.

– Ты уверена?

– Мне уже звонила Гаянэ, – не без почтения произнесла Оксана. – А ей, как ты понимаешь, тоже позвонили: либо ее начальница, либо начальница начальницы.

Гаянэ была главой полиции, то есть непосредственной начальницей Оксаны и Наташи. Ее начальницей была сама министр экологической безопасности. А выше – только премьер. Чье бледное, но все же сияющее доброжелательным сочувствием лицо сейчас смотрело с экрана.

– Так что мы, Ариадна, – продолжала Оксана, – делаем свою работу. Преступления против личностей, не являющихся людьми, так же важны, как и преступления против

людей. Не имеет значения, кому принадлежал этот кролик, министру или рядовому гражданину. Хоть бы и никому. Начинается всегда с жестокости по отношению к животным, птицам и насекомым. Продолжается – жестокостью к людям.

Я не выдержала:

– Оксан, тебя что, там кто-то еще слушает?

– А? – Она сделала вид, что не поняла.

– В общем, делаем свою работу, – вздохнув, повторила за ней я.

– Куда ты сегодня утром собиралась?

– Поговорить с Айной, Гретиной партнершей. Я вчера с ней встречалась, но момент, сама понимаешь, был неудачный, беседа получилась скомканной. Поеду к ней на тренировку, попробую ее там разговорить.

– Хорошо. Но не дави. Помни, сейчас ей вдвойне тяжело под всеми этими взглядами.

– К взглядам ей не привыкать, – не удержалась я.

– Это не одно и то же.

– Я понимаю, не беспокойся.

– Ставлю на причинение вреда по неосторожности, – сказала вдруг Оксана. – Они просто не уследили за кроликом. Там, по-видимому, та еще обстановка в семье была.

– Мы этого пока не знаем.

– Накануне самоубийства? А как ты думаешь?

– Я пока ничего не думаю.

– Это правильно. Короче говоря, помни, что они все толь-

ко что потеряли близкого человека. Не добавляй им лишнего стресса.

– Не буду, – пообещала я.

Едва я нажала отбой, Ника выпалила:

– Ну что?

– О господи, да ничего, просто работа.

Я открыла холодильник, достала вчерашний торт с кокосовыми сливками и стала переключать большой кусок в коробку.

– Это кому? Лене?

Я могла соврать. Но не хотела:

– Для Лео.

– Ты же сама говорила, что он у тебя разжирел, – сказала Ника. – Хочешь, чтобы он совсем на борова стал похож? Тебе такие нравятся?

Я промолчала, уложила коробку в сумку, обогнула Нику и направилась в ванную.

– А почему ты спала в гостиной? – донеслось мне вслед.

9.30

Лаборатория наших криминалистов расположена на одном этаже с лабораторией отделов, занимающихся преступлениями против людей. Попросту говоря – в подвале.

Наверху было утро. А здесь, у Кати, мне всегда кажется, что на часах послеобеденное время. Гудят лампы дневно-

го света. И всегда энергично орет под музыку какой-нибудь очередной любимой Катей корейский бойз-бэнд. Конкубин Кати – бурят Леша. Она говорит: «Похож на корейца».

– За какашками пришла? – весело крикнула она мне, не отвлекаясь от дела: капала что-то из пипетки на стекло. Верхняя половина лица закрыта желтоватыми лабораторными очками, нижняя – голубоватой медицинской маской.

– И тебе привет.

Мне нравится смотреть, как работает Катя: все ее жесты отточены, ничего лишнего. Она задвинула стекло в микроскоп. И только потом отошла, сняла синие перчатки, стащила нижнюю маску под подбородок:

– Посмотрим.

Я подошла к ее компьютеру. Катя искала нужный файл. И, не отрывая глаз от экрана, сообщила:

– Прикинь, а Грету вчера привезли. В левое крыло.

В левом крыле делали аутопсию человеческих тел. В правом – животных. В голосе Кати я опять услышала тот слегка кровожадный интерес, с каким выпрашивала про Грету Ника. Знаменитости интересуют всех. А мертвые – особенно.

– В смысле – тело?

– В смысле – тело.

– В новостях говорят, передоз снотворного.

Катя засмеялась с чувством собственного превосходства, как будто я пыталась ее обдурить, а она меня раскусила:

– Если девочки расскажут что-то интересное, я дам тебе

знать.

– Ты – настоящий друг.

С Катей мы поступили в отдел одновременно. Конечно – друг.

– Так. Вот он. – Она стучала пальцем по курсору. – Ну, смотри. Есть некоторое обезвоживание. По-видимому, твоего кролика не кормили и не поили несколько часов. Вероятно, тупо про него забыли. Учитывая тарарам с Гретой.

– Да, девочка обнаружила, что он пропал, как раз когда вспомнила, что его надо напоить и накормить.

– Заводят животное, а ответственности – ноль.

– Слушай, у нее мать умерла. Удивительно, что она вообще вспомнила про кролика.

Катя смерила меня недовольным взглядом:

– Тебе видней. Вы же проводили проверку перед тем, как одобрить адаптацию животного.

– У них был идеальный профайл.

– Знаешь, тут вот какая штука. – Катя будто пропустила мои слова мимо ушей. – Смотри. – Она показала мне на разноцветные столбцы. – Я сделала предварительный анализ. У него явно повышенный уровень кортизола и фоновый иммунный ответ. Я передала девочкам в биохимию. Они скажут, что с ним конкретно. Выглядит как сильный стресс. Не удивляюсь. Учитывая, что никому до него, похоже, не было дела.

– Не преувеличивай.

Катя только фыркнула:

– От хорошей жизни не сбегают. Мы все это знаем. Позвони мне завтра.

Она не сдержалась, плутовато ухмыльнулась:

– Может, и про Грету мне к тому времени что-то сольют.

– Катя!

– Интересно же. Только не ври, что тебе не интересно.

10.20

Сильный стресс, значит. У кролика.

Что там стряслось в этой семье?

Наверняка «стряслось» – слишком сильное слово. Чаще всего не случается никаких событий. Просто тихо гниют отношения. И животное забывают покормить. Наполнить ему поилку. Все печально, но логично.

Кроме того, что кролик не мог сам разрезать сетку и прихватить в бега видеокамеру.

Но зачем красть зоокамеру? Что такого она могла заснять? Учитывая, что угол обзора был ограничен домиком кролика. Туда и человек-то поместится, только если скукожится в позе эмбриона. Да и то лишь худой и невысокий.

Как Туяра?

С павильона трамвайной остановки мерцало лицо Апреля. Теперь его взгляд казался мне двусмысленным. И не таким уж открытым.

...Или как Томми? Но что ему делать у кролика в домике?

Почему он сказал, что Грета не покончила с собой? Что за дела? С Айной у него те еще отношения, это несложно заметить. Такие семьи не зря называют дисфункциональными. На поверхности все хорошо. Все соответствует пунктам опросника. Но не хорошо – никому. Есть много способов исподволь отравлять жизнь ближним. Своим поведением, своим отношением, своими словами, насмешками, эгоизмом, пренебрежением. При этом в открытую никто не ссорится – «мы же люди воспитанные». И бедный кролик – между людьми, как мяч, который стучается то об одну стенку, то о другую. Так это было с ними?

Или так скоро станет со мной и Никой?

Мимо тихо шуршали шинами велосипеда. Шли пешеходы.

Я обернулась взглянуть на лицо Апреля и чуть не сбила с ног женщину. Ее телефон упал, подскочил на асфальте.

И мое сердце тоже: надо же, какая я корова! Разбила ей телефон!

– Извините! – Страшно расстроенная, я бросилась его поднимать. Хоть бы не разбился. Уставилась на экран – есть ли трещины? Да так и застыла с округлившимися глазами.

Заголовок гласил: Самоубийство? Убийство! И ниже – фотография Греты.

Палец сам начал чиркать по экрану. Я не могла поверить собственным глазам.

– Да уж, – сказала женщина, – собирает всякую грязь, как обычно. Вообще-то, я его не читаю, так только, ради смеха.

Она потянула свой телефон у меня из руки, и лишь тогда я очнулась.

– Простите!

– Все в порядке. Никаких проблем, – приободрила она меня.

На этот раз ни одна женщина в очереди не глядела по сторонам, все склонили головы к телефону. Подошел трамвай. Я тоже вытащила телефон, открыла сначала новости. И только потом – приложение для трамвая. Отсканировала код, убедилась, что за билет списаны баллы. И впилась в экран.

Обалдеть.

Блог Геракла читали все. А потом дружно заявляли, что никогда ни за что на свете не станут читать весь этот оголтелый бред. А тем более ему верить. Только для смеха.

Геракл выкладывал сплетни и сам их так называл. Кто такой Геракл, никто не знал. Мужчина? Женщина? Киберполиция несколько раз выходила на его след. Добивалась по пути какого-нибудь успеха: прикрывала тайную точку, торгующую алкоголем, или клуб извращенков – любителейниц маленьких мальчиков. Помогала другим отделам раскрыть пару «висяков». Но сам Геракл ускользал так лихо, что мог бы звать себя Гермесом.

На заставке его блога мускулистый голый мужик лупил дубиной всяких чудищ.

Дубина правды, мол.

Что из писаний Геракла было правдой, а что нет – сказать сложно. Но его блог читали все, его даже цитировали журналисты. С неременной оговоркой «по слухам», чтобы не напороться на штраф за клевету. Видимо, неправдой в блоге Геракла было не все. Подозревали, что Гераклу сливают много кто много чего: политики, актрисы, предпринимательницы, главы корпораций. В глубине души я убеждена, что и наша Гаянэ ему сливала информацию не раз. Геракл – это помойная крыса правды. Крыса, необходимая любому демократическому правовому обществу, где нет цензуры, зато есть закон о защите репутации.

В трамвае я перечитала его статью внимательно. Утолила вульгарное любопытство, так сказать. «Может, стоит также спросить нашу мускулистую футбольную звезду, не храпит ли она во сне. А иначе почему у нее и Греты уже давно раздельные спальни?» Похоже, в этом доме бушевали свои драмы. Для кролика это было все равно что застрять в кольце лесного пожара. Катя права: животные чувствуют стресс и реагируют двумя способами – набрасываются или удирают. Кролик исчез.

Если только он исчез по собственной воле.

Женщины в трамвае иногда переглядывались, переговаривались. Все реплики в конечном итоге сводились к вопросу: что за хрень?

Я заткнула уши наушниками. Якобы слушаю книгу или

музыку. Закрыла глаза. Будто это могло удержать мысли! Бесплезно. Они летали, мелькали. Не мысли даже. Обрывки, взметенные ветром. Полный хаос.

Что, если Томми прав – в самом прямом, буквальном смысле?

Геракл, конечно, крыса, но не с потолка же и он это взял: убийство.

И при чем тут исчезновение кролика? Связаны ли эти события?

Дыру в сетке проделал тот, кто убил Грету? И тот же человек забрал камеру? Но зачем?

Или же никто ее не убивал. Просто, когда известный человек умирает внезапно, каждому есть что сказать.

Я набрала Лену. Телефон гудел, гудел. А потом Лена сбросила мой звонок. Что бы там ни происходило, ей было не до меня.

Открыла регистр. *GPS*-данные с чипа в ухе кролика не изменились. Розовый круг по-прежнему включал дом и сад Греты, захватывал прилегающие участки соседей.

Это как раз нормально. Мир глазами кролика, как правило, невелик и понятен. Кролики – оседлые животные. Их активная территория не превышает двух гектаров. Это у диких кроликов. У кролика-компаньона она равна вольеру, который должен быть не меньше полгектара. Иначе держать кролика-компаньона не разрешит служба опеки. У Греты и Айны – большой сад. Все-таки Грета – министр, а Айна – фут-

больная звезда.

Допустим, кролик, измученный стрессом в доме, голодом и жаждой, удрал в проделанную человеком (не будем пока касаться вопроса зачем) дыру. Но далеко он не смылся. Кролики не удирают далеко. И этот демонстрировал нормальное поведение.

Я глянула сначала на экран телефона. Лена не перезвонила. Не прислала сообщение. Потом позвонила себе в контору:

– Бера, а очередь на Милочку большая?

– Сейчас посмотрим.

Милочка – бигль, натасканный на поиск пропавших животных. Живых. Пока еще можно надеяться на лучшее.

– Тебе куда?

– Район Арбата.

– Завтра только если.

– А сегодня никак?

– Лапушка зато свободен.

Это такой наш внутренний черный юмор. Лапушка натаскан искать мертвых.

– Нет, – вздохнула я. – Все не так плохо.

– Отыщется. Апрель ведь. Куча компаньонов в это время года удирает искать любовь.

Я поблагодарила Бери и нажала отбой.

Допустим, и кролика позвали в путь гормоны. Но камеру уж точно не он с собой прихватил. Тот, кто разрезал сетку?

Запись, которая пропала вместе с камерой, сделана в течение вечера и ночи. В нормальной ситуации кролики ночью спят.

В нормальной.

Значит, на записи – не мирно спящее животное. Но тогда что?

У меня не было даже гипотезы.

Пассажирки входили и выходили. Казалось, одни и те же женщины делают такое странное упражнение: вышли, постояли снаружи, зашли, постояли в трамвае, опять вышли, снова зашли.

Голова у меня слегка плыла.

Когда на табло зажглось название остановки «Старый стадион», ясно мне было только одно: я горячо желаю вернуться в понедельник. В свою привычную жизнь. Понятную, удобную. Меня глодало чувство, что я ввязываюсь в какую-то мутную историю и очень потом об этом пожалею.

– Выходите? – спросила женщина сзади.

Я очнулась и ступила на тротуар.

Двери тихо зашипели. Трамвай отошел.

Странно признаться, но в Тушине я ни разу не бывала. Вот так можно всю жизнь прожить в Москве и толком не знать ничего, кроме своего района и центра. Тушино – один из многих московских районов, название которого мне ничего не говорило. Да и облик тоже ничего не сказал. Такие же реконструированные высокие дома, такие же таунхаусы с крохотными садиками и батутами для детей. Такие же чи-

стые уютные улицы. Сквозь ветки, пока еще голые, синели солнечные батареи крыш. Как везде. Разве что таунхаусов побольше, чем в центре: здесь земля намного дешевле.

Сверяться с картой в телефоне мне не требовалось, стадион, где Айна назначила мне встречу, я увидела сразу. Красно-белую полусферу, как бы составленную из ячеек-сот солнечных батарей в цветах «Артемиды»: белых и красных. Стадионные прожекторы на длинных шеях были похожи на доисторических ящеров, собравшихся вокруг поверженной добычи.

Курс на купол.

Короткая прогулка помогла мыслям улечься. Я больше не думала ни об Ангеле, ни о Томми, ни о Геракле, ни о себе и своих чувствах. Голова сделалась пустой и ясной. Я была готова вбирать, замечать, улавливать. Готова делать свою работу.

Когда не знаешь, что делать, просто следуй стандартному протоколу.

Сунула в сканер на входе свое служебное удостоверение с магнитным штрих-кодом по краю. Полицейское удостоверение со штрих-кодом категории В открывает почти любую дверь в общественном месте.

Прозрачные воротца из сверхпрочного пластика распахнулись.

Я наткнулась на лицо Айны, как на холодную глухую стену.

– Еще минута, и я бы вас не стала ждать.

Я кивнула:

– Понимаю. Мне не представить, что вы чувствуете. Спасибо, что не отказались со мной поговорить.

– А вы из тех, кто любит животных больше, чем людей, – с вызовом бросила Айна.

Я не поддалась. Ответила вежливо:

– Я из тех, кто считает, что если вмешиваешься в жизнь живого существа, то несешь за него ответственность. Не важно, человек это, животное или насекомое.

Лицо Аины чуть смягчилось.

– Идемте, – мотнула она головой.

Я шла за ней по коридору. Смотрела на ее широкие плечи, на сильную шею. На блестящий хвост волос, стянутый самой простой резинкой.

Непроницаемая.

Айна толкнула дверь в раздевалку. Кинула сумку на скамью.

– Говорите. Пока я переодеваюсь, – и стащила через голову свитер.

– Как вы себя чувствуете?

Она замерла, посмотрела на меня поверх свернутого свитера. Узкие глаза – как две прорези в маске.

– Вы про меня пришли говорить? Или про кролика?

– Извините, у меня чудовищная работа. Вламываюсь к родственникам в их горе... Поверьте, мне самой не по душе

это. Но...

– Ладно. – Айна скрылась за дверцей шкафчика. – Работа есть работа.

– Кто занимался кроликом?

– В каком смысле?

– Чьей обязанностью было его кормить, поить, убирать в клетке?

– Все понемногу. Кто первый вспомнит... – Она осеклась. – Простите, знаю, как это звучит: завели и забыли. Но мы все помнили... Если не считать того утра.

– Прекрасно понимаю.

– Да? – зло переспросила она.

– Простите... А вы видели, что написал Геракл?

– Не знаю, что он имеет в виду. И при чем здесь кролик?

– Пропала видеочамера из его клетки.

– Думаете, я ее взяла?

– Кому нужна зоочамера? Да еще с ночной записью?

– Мало ли. Идет предвыборная кампания. Никогда не знаешь, кому что придет в голову. Они там все не скупятся на выдумки.

– Вы довольно безжалостны к своей...

– Вовсе нет. Я к ней справедлива. Политика – такая же работа, как любая другая. Везде соперничество. Везде свои запрещенные приемы. Игра рукой. Удары исподтишка.

– Как в футболе?

– Как в футболе. Мы получаем желтые карточки, мы по-

лучаем красные карточки. Нас удаляют с поля. Но мы все равно пользуемся запрещенными приемами.

– Понимаю.

Айна спросила, не глядя:

– А вы ему поверили?

– Моя работа – расследовать преступления против животных. А не убийства.

Айна задержала на мне взгляд:

– Видите, как легко. Пустил сплетню. А жертва пусть отмывается, как хочет.

– Для меня это дело о кролике.

Айна покачала головой, толстый черный хвост хлестнул из стороны в сторону. Мне не понравилось, что она переводит разговор на мое личное отношение к трагедии. Я заговорила нарочито нейтральным голосом:

– Как бы вы описали свое эмоциональное состояние в дни до... до происшествия? С кроликом.

– А при чем здесь я?

– Я следую стандартной процедуре. Животное, судя по всему, испытывало стресс. Не чувствовало себя в безопасности.

Над дверцей взметнулись голые мускулистые руки – мелькнуло и опало что-то красное.

– Это судя по чему?

– По анализу его экскрементов.

Минутное молчание. Потом спокойный голос:

– Счастливое. Мое эмоциональное состояние последнего времени.

От удивления я не нашлась с ответом.

Айна закрыла дверцу. Теперь она была в красном фирменном свитере. На груди белый логотип «Артемиды» и ниже мелкими буквами название государственной компании, спонсора их клуба: фейслук.

– Я – нападающая в основном составе клуба-призера. И люблю свою работу. Это моя жизнь. Я люблю своих подруг по команде, мне с ними хорошо, мы поддерживаем друг друга, это многое значит. У меня ребенок. У меня хороший крепкий брак. Был. Что бы там ни писал этот сплетник. Хороший дом. Иначе нам бы и не разрешили взять животное. Разве не так?

Я кивнула.

А семью ведь поставила после работы. Интересно. Эта деталь меня насторожила: перекося в сторону работы – для нас тревожный «флажок». Люди уходят в работу, как раньше уходили в алкоголь или азартные игры.

Айна словно заметила мое недоверие. Тут же заговорила:

– Многие девочки начинают играть в футбол. Немногие играют потом в профессиональной лиге. Еще меньше – становятся чемпионами со своей командой. У меня получилось.

– Как Грета относилась к вашим успехам?

Айна пожала плечами:

– Гордилась. Радовалась. Грета любит... любила свое де-

ло. Она знала сама, что это такое – гореть тем, что делаешь. Понимала меня полностью. Ваша партнерша радуется вашим успехам?

Я опять пропустила вопрос мимо ушей:

– Но ведь даже самая счастливая ситуация может измениться в считанные дни.

– В смысле?

– С точки зрения кролика. Животные чувствуют тревогу. И тогда либо нападают, либо...

Айна перебила:

– Ага, разрезают сетку – и убегают... У вас все? Извините, мне пора.

– Конечно. Спасибо большое.

Но она уже сверкнула дверью.

Вдруг просунула голову назад:

– Я ни на ком никогда не срываюсь, в том числе на животных. Никогда. Я вас понимаю – вам надо делать свою работу. Поверьте, мне вас жаль и я хочу помочь. Но вы не за тот конец взялись.

– Нет? А за какой надо?

У Аины вздрогнули ноздри. Она осталась стоять в дверях. Мы были похожи на двух любовниц, которые не хотят, чтобы окружающие заподозрили «что-то такое», и подчеркнуто держат дверь открытой. Когда уверены, что их видят.

Айна долго взвешивала слова, прежде чем сказать:

– Грету нервировала работа.

Я кивнула. Айна вспыхнула:

– Политика – дерьмо, к этому она привыкла. Грету было непросто сломать. Но она наваливала на себя все больше, и больше, и больше. И я видела: она не тянет. Если видела я, то и она сама это понимала. Вот что чувствовал ваш кролик. Если вы настаиваете, что он что-то чувствовал.

– Вы говорили об этом с Гретой?

Айна помолчала.

– Да... Она не видела другого выхода. Считала политику своей миссией. Это МЕМО во всем виноват. Все из-за него. Если б не он, она давно бы это бросила, и правильно бы сделала.

– МЕМО? Никогда не слышала.

Айна скривилась:

– Ну так поищите в Интернете.

В этом, похоже, вся Айна: только подойдешь ближе, в нос выстрелят колючки. Я послушно кивнула:

– Поищу.

– Эти безумные бабы не давали ей покоя с МЕМО. Взвизли как бешеные, сразу. Из-задохлых мужиков. Прямо обоссаться и не жить.

– Бабы?

– Вся эта шобла, которая называет себя правыми радикалами. Пена у рта и припадки. Господи боже мой! Они ей угрозы тоннами слали. Совсем охерели, до того дошли, что отправляли нам говно в коробках, представляете?

– Какашки, в смысле?!

– Именно. Настоящие.

Удивительно! Но ведь никаких официальных жалоб – в полицию, на почту или в домоуправление – в файле Греты не было: животных не отдают в дом, если есть хоть легкий намек на неблагополучную обстановку.

– Я так и вижу это. Сели кружком, спустили свои вислые задницы через край – и насрали всей партией, – кипела Айна.

Я спокойно заметила:

– По периметру.

– Что?

– Если в коробку срали, то сели не кружком. А по периметру. Коробка же – прямоугольная.

Айна посмотрела на меня как на психбольную:

– Дорогу обратно сами найдете?

– Да, надеюсь.

– Удачи вам. Если разыщете кролика, моя дочь будет благодарна. И я тоже, не хватало еще и из-за кролика чувствовать себя виноватыми. Берегите себя.

Дверь закрылась. Не хлопнула, не бахнула. Айна просто прикрыла ее за собой. Стало тихо.

Говно в коробках. М-да.

Что за МЕМО?

Я тут же открыла Интернет. И вспомнила. Конечно же, я читала про МЕМО раньше. Просто меня это мало интере-

совало. Ну умерли и умерли, мы все умрем. А вот Грету – очень интересовало. Она основала своего рода цифровой мемориал всех мужчин, которых за восемьдесят лет убил вирус. Фотографии, даты жизни. Краткие сведения. Люди, которые могли бы жить. Люди, которых сожрала ими же построенная цивилизация. Погребла под обломками. До сих пор погребает. За что ж их ненавидеть? Пожалеть только. Тут Грета, в сущности, права. А правые радикалки, значит, готовы в знак протеста оголеть партийные задницы. Угрозы, значит, а? Из-за них Грета и нервничала. Кролик чувствовал ее стресс. Напади – или удирай. И он удрал.

Возможно такое?

Я убрала телефон. В раздевалке пахло потом и дезодорантом. Нужно было оттуда выбираться.

Свои и так знают, что где, а у чужака была альтернатива: коридор налево, коридор направо. Я пошла наугад – налево. И вдруг на меня обрушился солнечный свет и утренний холодок. Огромное-огромное пространство внутри чаши.

Я оказалась на трибуне.

По зеленой траве метались фигуры в красных куртках, черных шортах и гольфах. Голые колени в просвете между шортами и гольфами поражали преувеличенной лепкой: все мышцы, все связки. Лица у всех тоже были клубного цвета: красные. Одинаково разгоряченные тренировкой. Все женщины казались молодыми и красивыми. Даже некрасивые. Они двигались с какой-то быстрой грациозной ловкостью,

которая убеждала сильнее, чем черты лица.

Мне никогда не был интересен спорт. Тем более футбол. Двадцать две женщины бегают за мячиком – серьезно?

«Ты неправильно рассуждаешь! – хохотала в таких случаях Вера. – Смотри так: вот бегают в трусах двадцать две молодые миллионерши». И ее Маша тут же давала ей локтем в бок: «Но-но, попрошу...» Милый семейный ритуал, повторяющийся у нас дома на каждом финальном матче, в котором, как правило, состязались «Артемиды» (болели Вера и Ника) и «Аврора» (болела в одиночестве питерская Маша).

Я не сразу увидела на поле Айну. Волосы под красной повязкой. Лицо отрешенное и сосредоточенное. Спокойные точные движения. Бум-бум, бум-бум. Мяч коленом, мяч с носка. Мяч коленом, мяч с носка.

– Еб твою мать! – заорала вдруг седая женщина и вскочила со скамьи.

Так я, собственно, и заметила ее присутствие.

Она вся вытянулась, словно охотничья собака в стойке, замахала рукой:

– Еб твою мать! Доеби ее! Доеби! Вот так!.. Еби! Еби! Еби!

Я подивилась, что бы это могло значить. Тем более странно, что спортсменки, похоже, поняли. Закивали, перестроились. Тренер упала обратно на скамейку:

– Фу-у-ух.

И заметила меня. Нахмурилась:

– Журналист?

Я подседа. Она неприветливо буркнула:

– Все разговоры потом. У нас тренировка, – и заорала оглушительно: – Еби же! – а потом добавила спокойно: – Вот так.

Я еле сдержала улыбку. Все эти «еби», по-видимому, обладали многими тонкими отличиями, полными глубокого профессионального смысла, понятного спортсменкам.

– Экологическая безопасность. – Я показала удостоверение. – Меня зовут Ариадна.

– Господи ты боже мой, – пробурчала тренер. – А я при чем?

– Нет-нет, – поспешила я успокоить. – К вам – никаких вопросов. Просто смотрю тренировку.

– А. Элла, – представилась тренер. Пригладила ежик коротких волос. – Да уж.

– Вы уже видели новости?

– Краем уха слышала. Мне некогда. А что там еще?

Она сидела расслабившись, опустив плечи. Поза человека, которому нечего поведать полиции. Потому что у подопечных ей миллионерш в трусах все хорошо. У всех.

– Грета...

– Ну да. Бедная Айна. Айна у нас – молодец. Правильно, я считаю. Нечего сидеть дома и нюнить. Иди к подругам, к команде. Займись делом. Слезами горю не поможешь.

– Она горюет?

Тренер глянула на меня удивленно.

– Она выглядит такой собранной, – пояснила я. – Такой спокойной. Такой...

– Обычной? А что ж ей, об стенку головой биться?

– Какое у вас сложилось о ней впечатление за последнее время?

– Последнее – это сколько?

– Последние недели. Дни.

– Что она справится. – И тренер засмеялась.

Над полем пронеслось раздосадованное то ли «ах», то ли «бля». Вслед за тренером я взглянула на играющих. Айна упустила мяч. Он катился от нее прочь, как будто бы подмигивая красными и белыми заплатками. Она угрюмо смотрела вслед, точно у нее не было сил его догонять. А потом пошла прочь.

Я обернулась к тренеру:

– Прошу прощения...

– Травмы случаются.

Я немного опешила: травмы? А тренер продолжала:

– Мы все к этому более или менее готовы здесь... – Тренер постучала себя пальцем по лбу. – Конечно, колени – такая штука, что восстановление никогда не бывает стопроцентным. И возраст опять-таки. Каждый спортсмен знает, что придет день, когда со спортом придется завязывать. Но по Айне я вижу: она все приняла по-спортивному. Здорово. Она умная девочка. Травма есть травма, и возраст есть воз-

раст. Сегодня побеждаю я, а завтра побеждаешь ты. Айна сама знает, что пора уйти. И она готова. Я по ней вижу. – Тренер кивнула на поле.

Айна уже бегала, новый мяч так и мелькал между ее лодыжек, описывая змейку.

– Что вы видите?

– Что из нее ушла прежняя ярость.

– Ярость?

Какой интересный выбор слова. Ушла. Куда? Согласно простейшему закону физики, энергия не исчезает. Она лишь перенаправляется. Могла эта ярость обрушиться на животное? Чужая ярость чаще всего обрушивается на тех, кто не может себя защитить.

А что, если Айна в припадке ярости просто пнула кролика?

Своей тренированной ногой.

Потом сообразила. И начала заметать следы. Сначала сняла камеру...

Тренер уже забыла обо мне, словно меня никогда тут и не было, вскочила со скамьи и оглушительно заорала:

– Еби же! Еби!!!

Но я отчетливо поняла: она обо мне не забыла. Она просто не хотела говорить на эту тему: ярость Айны.

12.10

– Да мать же твою! – Я ударила мышкой по столу, не заметив, что дверь открылась.

Вошла Лена, бесцеремонно села задницей на край моего стола. Заглянула в монитор. Следит, что ли?

– Мат облегчает боль, – сказала я. – Доказано исследованиями.

– День фрустраций?

– Не то слово. Лен, а компьютер Греты у вас, так?

Лицо ее слегка затвердело.

– А тебе зачем?

– Из их дома прямо накануне самоубийства пропал кролик. Кто-то разрезал сетку.

– Это я знаю.

– Вы уверены, что это самоубийство?

– Пока не доказано обратное. Если пойдем, что пора кого-то подозревать, передадим в отдел убийств. Поменьше читай всякий мусор.

– Да, но не похоже, что кролик удрал сам. Его унес человек. И к тому же эта дыра в сетке...

Лена отвернулась, взгляд ее задумчиво уперся в стену.

– А зачем кому-то чужой кролик? Они ж все с чипами.

– Чип то ли испорчен, то ли вообще вынут.

– Не так уж легко вынуть у живого животного чип.

Я посмотрела на нее.

– А уж мертвый чужой кролик и вовсе никому не нужен, – ответила на мой немой вопрос Лена.

– Особенно когда к кролику прилагается мертвый политик.

Лена взглянула на меня так, как будто я неудачно сострила и долг вежливого человека – сделать вид, что он этого не заметил.

– Пойдем куда-нибудь на ланч? – предложила Лена. – Достала столовка.

– У меня встреча.

– С теми, кто знал кролика?

Я вдруг поняла, что впервые не хочу ей ничего рассказывать.

– Почти.

– Ясно. – Лена отошла от моего стола. – Удачи.

Мне не хотелось выглядеть так, будто я ей не доверяю или что-то утаиваю. Тем более пока и утаивать было нечего.

– Прикинь, партнерша Греты рассказала: им домой прислали коробку с говном. Вы знали?

– Мне тоже прислали недавно коробку с говном, – отозвалась Лена, – а я заказывала платье. На сайте магазина говном не выглядело.

– Они не заявляли никуда, вот что странно.

– Я бы, наверное, тоже не стала.

– Но ты же не министр и не политик.

Лена посмотрела на меня серьезно – или мне просто показалось, что подозрительно? Сузила глаза:

– А что, разве коробка с говном имеет отношение к кролику?

– Я не знаю. Животное было в стрессе. Это то небольшое, что не вызывает сомнений. Проверяю показания членов семьи. Лена... А что ты думаешь о пропавшей из клетки камере? Вы ее ищете?

Лена смотрела на меня внимательно и несколько отстраненно. Словно прощупывала: есть ли у вопроса второе дно.

– Зачем нам она? Наш техник сказала, что сад в кадр не попадал, только то, что внутри домика.

– Понимаешь... Зоокамера пропала с ночной записью. Зачем кому-то ночная запись, если ночью кролики спят?

Лена сухо оборвала:

– Мы этого пока не знаем. И не знаем, что было на камере.

– Но...

– Ты подменяешь установленные факты собственными домыслами.

Я осеклась. Лена была высококвалифицированным следователем. Лучше меня, чего уж там. И я видела, что ей было чуточку противно мне об этом напоминать, но очень уж хотелось.

– Ладно, побегу. А то опаздываю. – Я стала застегивать пальто.

Лена, не глядя мне в глаза, кивнула на ходу:

– Пока.

– Пока.

13.30

Я задрала голову. Здание Министерства гуманитарных ценностей и культуры на Котельнической набережной было похоже на фигуру в острой шапке, как будто человек пожал плечами: черт его знает. Да так и застыл.

В какой-то мере это выражает политическую позицию многих избирателей. Поэтому большинство голосов всякий раз получает умеренная партия социал-демократов, последние лет пять или семь ее возглавляла Грета.

Как министр она ведь ничем толком не управляла. Разве что общественным мнением. Но популярность ее росла.

Года два назад я перестала голосовать за ее партию: социал-демократы стали леветь. Я не то что была не согласна с их новой программой, я просто не люблю перемен. Мне от них неуютно.

Например, когда под давлением Греты в список личностей, не являющихся людьми, попали и насекомые, у нас сильно прибавилось геморроя. В тот день, когда меня вызвали к трупу паука – паука! – я твердо решила голосовать за другую партию. Кстати, «труп» при детальном осмотре оказался пустой хитиновой оболочкой, которую подросшее насекомое сбросило при линьке. Подобный бред быстро довел

всех до ручки, и статью в отношении насекомых подкорректировали: уголовно наказуемыми признали только поступки, провоцирующие массовую гибель. Но осадок остался. У меня лично.

А в последнее время Грета ратовала за то, чтобы постепенно наделять гражданскими правами мужчин. Начиная с избирательного. Догадайтесь, за кого все мужчины тут же бросились бы голосовать!

На последних выборах я тоже голосовала за умеренных правых. То есть за партию действующего премьер-министра. Мне наша Татьяна нравится не только потому, что у нее лицо всеобщей матери. Мне кажется, она, как и я, не любит перемен.

День был теплый, но серенький, мокрый. И в зелени здания мне почудилось что-то сырое и мрачное. Сама собой пришла мысль, сколько ж там, в этих ветках, переплетенных кронах, между стволами, водится тварей: насекомых, птиц, рептилий, земноводных. Может, есть даже мелкие грызуны. Отсюда мне видна была фигурка в оранжевой униформе: на высоте четвертого этажа работала садовница. Вниз падали состриженные ветки. Я отступила. Из зелени высунулось лицо под оранжевой кепкой.

– Извините!

– Все в порядке! – Я помахала рукой – мол, жива-здоровая, голова цела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.